

Священникъ Е. Ѳ. Сосунцовъ.

ОСНОВЫ

НАЦИОНАЛЬНАГО РУССКАГО ВОСПИТАНІЯ.

КАЗАНЬ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

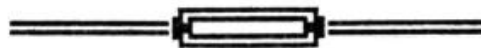
Сочиненія священника Е. Ө. Сосунцова.

1. Описаніе Троицкой церкви г. Казани. 1899 г., цѣна 20 к.
2. Описаніе церковныхъ школъ Казанскаго уѣзда. 1902 г., цѣна 1 рубль.
3. Добрыя души. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Изд. 2-е, Ключкина, цѣна 40 к.
4. Сѣмена и всходы. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. 1903 г., цѣна 30 к. (Распродано).
5. Антихристъ. Поэма. 1911 г. Изд. второе, ц. 20 к.
6. Святые Кириллъ и Меѳодій, въ изложеніи для дѣтей. 1909 г. Изд. четвертое, цѣна 5 к.
7. Церковное чтеніе. 1905 г., ц. 10 коп.
8. Школьное путешествіе въ Саровъ. 1905 г. ц. 10 к.
9. Священникъ и выборы въ Госуд. Думу. 1906 г., ц. 2 к.
10. Священникъ и школа. 1906 г., цѣна 1 к. (Распродано).
11. О крестномъ знаменіи и поклонахъ по Уставу. 1906 г. Изд. второе, ц. 5 к. (Распродано).
12. Слово въ день Срѣтенія. 1906 г., цѣна 3 к.
13. Борьба между добромъ и зломъ. Слово въ недѣлю 27-ю, цѣна 3 к.
14. Слово въ день 25-лѣтія церковныхъ школъ, цѣна 2 к.
15. Методическія указанія и конспекты уроковъ по Закону Божію. Полный курсъ младшаго отдѣленія. 1915 г. Изд. шестое, цѣна 40 к.
16. Методика и конспекты уроковъ по Священной исторіи. Изд. четвертое, 1915 г., цѣна 50 к.
17. Конспекты уроковъ по Закону Божію. Курсъ старшаго отдѣленія. 1914 г. Изд. пятое, цѣна 60 к.
18. Спутникъ законоучителя. Основныя правила дидактики и методики преподаванія Закона Божія. Изд. 2, исправленное. 1914 г., цѣна 10 к.
19. Законъ Божій. Книжка съ картинками, для младшаго отдѣленія. 1915 г. Изд. восьмое, цѣна 15 к.
20. Законъ Божій. Священная исторія и молитвы. Книжка съ картинками. Курсъ второго отдѣленія. 1915 г. Изд. седьмое, цѣна 30 к.
21. Законъ Божій. Символь вѣры, заповѣди и богослуженіе 1915 г. Изд. седьмое, цѣна 15 коп.
22. Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи христіанской церкви, для начальныхъ школъ съ четырехгодичнымъ курсомъ. 1913 г., цѣна 10 к.

Священникъ Е. Ѳ. Сосунцовъ.

О С Н О В Ы

НАЦІОНАЛЬНАГО РУССКАГО ВОСПИТАНІЯ.

КАЗАНЬ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

Предисловіе.

Настоящая статья представляет собою публичную лекцію, прочитанную авторомъ въ залѣ Казанскаго Императорскаго Университета 21 января 1915 года, въ пользу Общества вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ Казанскаго мужского Коммерческаго училища.

Эта лекція была вызвана желаніемъ автора посильно освѣтить вопросъ о возможности созданія школы на основахъ отличительныхъ психическихъ особенностей русскаго народа, выразившихся въ его исторіи, жизни, народной поэзіи и художественной литературѣ. При отысканіи основъ національнаго воспитанія можно говорить лишь объ общихъ чертахъ русской самобытности и излишне создавать полную картину національной школы. Основы или камни для фундамента ни красивыми, ни привлекательными быть не могутъ, а потому и настоящее чтеніе не претендуетъ на живость и занимательность. Оно обращается къ черновой работѣ излеченія изъ массивовъ русской жизни необходимыхъ для созданія новой школы глыбъ и приспособленіемъ ихъ для помѣщенія въ подземныя части зданія будущей школы.

Современная русская школа построена цѣликомъ на основахъ нѣмецкой педагогики по саганской системѣ, съ преобладаніемъ интеллектуальной стороны дѣла предъ прочими, съ управленіемъ живымъ дѣломъ посредствомъ мертвыхъ правилъ, распоряженій и циркуляровъ, напоминающихъ собою старинный способъ веденія войны австрійцами посредствомъ инструкцій и разсужденій военнаго совѣта. Такъ, напр., посылались предписанія нашему полководцу Суворову вѣнскимъ совѣтомъ, совершенно не знавшимъ поля сраженія и условій веденія осады тѣхъ или иныхъ крѣпостей. Преобладаніе книжной учености совершенно не сообразно съ духомъ русской націи, преимущественно эмоціальной, и русскій народъ исторически выработалъ свои идеалы, съ которыми должно сообразоваться просвѣщеніе, если оно хочетъ быть не

проявленіемъ гнета силы, а дѣйствительнымъ свѣточемъ и сокровищемъ.

О нѣмецкомъ вліяніи въ русской школѣ мы говоримъ въ другой публичной лекціи, и настоящая статья служить ея продолженіемъ. Мы сознаемъ, что для полноты и обоснованности нашихъ сужденій о возможности національнаго образованія и просвѣщенія необходимо завершить два названныхъ разсужденія третьимъ, такъ какъ первое представляетъ собою лишь расчистку мѣста, второе—закладку фундамента. Цѣлью же этихъ дѣйствій служить созданіе новаго строенія, которое въ недалекомъ будущемъ мы надѣемся, по мѣрѣ своихъ силъ, представить на судъ нашихъ читателей.

По вопросу о націонализаціи русской школы наша литература очень скудна, но можно надѣяться, что обаяніе нѣмецкой культуры съ насъ будетъ теперь снято, и дѣятели просвѣщенія воскреснутъ къ новой работѣ на основахъ настоящей національной свободы и помогутъ русской школѣ сбросить съ себя хомутъ узкаго нѣмецкаго націонализма и нетерпимости, которую ревностно насаждали наши просвѣтителы подъ видомъ русскихъ началъ. Къ жизни ведутъ не гнетъ, не порабощеніе, не произволь, не своеволие, не распущенность, а истинная свобода, дающая просторъ всему разумному, доброму и вѣчному.

I.

Сознаніе своей мощи и своей самобытности свойственно каждому большому народу, достигшему той степени культуры, на которой народъ становится хранителемъ прибрѣтенныхъ своей исторіей цѣнностей. И чѣмъ идеальнѣе считаетъ народъ эти цѣнности, тѣмъ крѣпче держится онъ за свою самобытность.

Подъемъ національнаго русскаго самосознанія достигъ наибольшей высоты въ верхахъ русской жизни около конца 16 вѣка, когда среди московскихъ бояръ и книжниковъ укрѣпилась мысль о превосходствѣ Московскаго царства предъ всѣми державами, какъ прямого наслѣдника вѣчной римской имперіи, какъ третьяго и послѣдняго Рима.

Эта преувеличенное сознаніе было навѣяно историческими условіями объединенія Москвой всѣхъ русскихъ областей, и оно разсыпалось при столкновеніи съ западно-европейской культурой,

когда русскіе люди убѣдились, что иноземцы въ дѣлѣ развитія просвѣщенія опередили Москву.

Въ сравнительно недавнее время, въ первой четверти 19 столѣтія, въ Россіи явился новый подъемъ національнаго самосознанія, получившій специальное названіе славянофильства. Но и это движеніе большого успѣха не имѣло, такъ какъ было произведеніемъ чужого духа, перенесеннымъ на русскую почву. Образцомъ для него послужилъ нѣмецкій романтизмъ, возникшій въ качествѣ противовѣса ложно-классическому направленію, достигшему къ концу 18 в. крайняго матеріализма и холодной разсудочности. Успѣхи Наполеона I и его притязанія на обладаніе всей Европой побудили германцевъ къ отысканію права на самобытность чрезъ изученіе родной старины. Примѣру нѣмцевъ послѣдовали и русскіе славянофилы, которые занялись собираніемъ памятниковъ русской народной литературы-былинъ, сказокъ, пѣсенъ и легендъ, ради установленія національно-русскаго сознанія. По этимъ произведеніямъ старины славянофилы хотѣли установить правильный взглядъ на исконный характеръ русскаго народа и на идеалы частной и общественной жизни. «Но отношеніе славянофиловъ къ русскому народу было узко-національнымъ. Народомъ, къ которому они стремились, былъ народъ идеальный, прошедшій» (С. К. Шамбинаго. Ист. русск. народ. словесен. 1914, стр. 54). Вѣрная мысль о необходимости изученія народной души была основана на шаткихъ и взятыхъ на прокатъ устояхъ. Однако самая идея сообразованія воспитанія и просвѣщенія съ національными особенностями каждаго народа умереть не могла. Если она заглохла на болѣе или менѣе продолжительное время, то не въ силу утраты своей жизнеспособности, а вслѣдствіе наплыва новыхъ теорій, не соединившихся съ наличной дѣйствительностью и частію заглохшихъ вслѣдствіе угнетенія всякой идейности въ теченіе значительнаго промежутка времени.

Обычное положеніе человѣчества состоитъ изъ чередованія между неподвижностью тѣла и порывами духа. Чѣмъ большее преобладаніе достается на долю инертности тѣла, служенія интересамъ обывательщины, тѣмъ жизнь общества и отдѣльныхъ его членовъ становится покойнѣе, хотя и безсодержательнѣе. Но состояніе людей и обществъ часто зависитъ не отъ ихъ собственной воли, такъ какъ жизнь течетъ по опредѣленнымъ законамъ и за-

хватываетъ въ свой круговоротъ все существующее, не справляясь съ его желаніями.

Въ опредѣленные времена возникаютъ порывы какихъ то невѣдомыхъ теченій, которые перемѣшиваютъ всю застоявшуюся атмосферу и пробуждаютъ человѣчество къ активной дѣятельности, къ приливу жизни. Все слабое и отжившее не выдерживаетъ напряженія и отмираетъ. Но все, въ чемъ движется живой духъ, послѣ бури просвѣтляется, обновляется и начинаетъ новую жизнь, словно умытая дождемъ природа, улыбающаяся на встрѣчу новому утру и ясному небу.

Общее явленіе временной ревизіи жизни относится какъ къ отдѣльнымъ живымъ существамъ, такъ и къ человѣческимъ обществамъ. И если народъ сохраняетъ въ себѣ живую душу, то онъ, послѣ потрясенія, отряхаетъ съ себя всю накипь, всю плѣсень прошлаго и свободно развертываетъ свои природныя силы и дарованія. Такой подъемъ духа пережилъ и русскій народъ послѣ монгольскаго ига, послѣ междоусобицъ и послѣ крымской войны.

Россія велика и сильна. Она можетъ быть потрясена, но не можетъ быть сломлена. Она продолжаетъ развивать свою мощь, и влечетъ къ себѣ вниманіе всего человѣчества. Видный французскій филологъ и этнографъ Ренанъ, извѣстный у насъ болѣе, какъ авторъ наивно-легкомысленной «Жизни Иисуса», довольно давно писалъ о русскомъ народѣ: «Будущее покажетъ мѣрку для оцѣнки того, что дастъ человѣчеству этотъ удивительный славянскій геній съ его пылкой вѣрой, съ его глубокимъ чутьемъ, съ его особенными воззрѣніями на жизнь и смерть, съ его потребностью мученичества, съ его жаждой идеаловъ. (Проф. Сикорскій. Сборн. научно-литер. ст., кн. I, стр. 31).

Но бѣда рускаго общества въ томъ, что оно не вѣритъ въ собственныя способности, и русская культура до настоящаго времени остается иноземной. Правда, отдѣльныя оригинальныя личности рускаго образованнаго общества выдѣлились на фонѣ всемирной литературы, науки и искусства. Но это признаніе мощи рускаго генія было и не всеобщимъ, и недостовернымъ. Мы привыкли цѣнить высоко лишь чужое и обезцѣнивали свое родное. Эта черта развилась въ русскихъ людяхъ съ того момента, какъ отдѣльные представители рускаго общества познакомились съ

внѣшними благами европейской культуры и онѣмѣли отъ удивленія предъ ними, словно дѣти, попавшія изъ глухой деревни въ большой красивый городъ. Исторія сохранила имя князя И. Хворостинина, служившаго при дворѣ перваго самозванца, нескрывавшаго своего презрѣнія къ родинѣ. Хворостининъ хотѣлъ убѣжать въ Римъ или въ Литву и говорилъ, что «на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жити не съ кѣмъ.» (Ключевскій. Очерки и рѣчи, стр. 395). Такихъ Хворостининыхъ со времени Петра Великаго и въ особенности со времени Екатерины Второй на Руси появилось весьма много, и бранить свое родное сдѣлалось моднымъ дѣломъ, признакомъ хорошаго тона.

Теперь настаетъ новая эра. Во всѣхъ областяхъ русской жизни ощущается бѣненіе новаго пульса, подъемъ самобытнаго духа, желаніе быть русскими, а не казаться благовоспитанными иностранцами. Отрезвленная Россія какъ будто начинаетъ видѣть, что всякій оргиналъ несравненно лучше самой совершенной копіи. Стремленіе къ національной самобытности начинаетъ касаться слегка и школы. Кое гдѣ начали говорить о необходимости освобожденія русскаго просвѣщенія отъ вѣкового гнета германизма, съ его подавленіемъ человѣческой личности, съ переоцѣнкой познавательной способности предъ всѣми прочими, подавленіемъ личного почина и сознанія личной отвѣтственности каждаго чело-вѣка предъ своей совѣстью, разрастаніемъ духа внѣшней выправки и субординаціи, превращающейся въ распущенный крайній индивидуализмъ, вознаграждающій чело-вѣка за пограніе его права на разумное сообразованіе своей жизни съ жизнью общества.

Наша система образованія пересажена въ видѣ чужеземнаго растенія на русскую почву и совершенно не соотвѣтствуетъ духу русскаго народа и вообще народовъ, населяющихъ Россію. Поэтому наше просвѣщеніе держится исключительно внѣшней силой, чуждой просвѣщенію, образованію и воспитанію.

Гнетъ нѣмецкаго ига въ видѣ саганской системы образованія мы почувствовали не сегодня, но сила нѣмецкаго вліянія заглушила тѣ немногіе голоса, котѣрыя заявляли о необходимости перемѣны во всемъ школьномъ строѣ въ Россіи. Эту тяготу почувствовали и наши теперешніе союзники французы, котѣрыя также увлеклись системой прусской выучки послѣ своего пораженія нѣмцами и увѣровали во всемогущество пресловутаго нѣмецкаго учителя,

будто бы побѣдившаго французовъ въ 1870 году. О преклоненіи предъ нѣмцами французскій писатель Эдмонъ Демолень выражается такъ: «Едвали нужно доказывать, въ какомъ подобострастіи мы были воспитаны по отношенію къ германской педагогії. Слепо повѣривъ тому, что нѣмцы побѣдили насъ исключительно благодаря превосходству ихъ школъ предъ нашими, мы устремились подражать во всемъ нашему побѣдителю въ періодъ этого психологическаго дурмана.» (Аристокр. раса. Пер. Вандама, стр. 18). Однако французская школа въ главныхъ чертахъ и доселѣ остается похожей на германскую. Настолько велика сила привычки и значительна инертность подавленнаго общества!

Европейская война показала намъ результаты нѣмецкаго просвѣщенія, и мы пожелали отнестись къ нему критически. Но можно опасаться, что это стремленіе со временемъ заглохнетъ, привычка и рутина затормозятъ идейное стремленіе къ реформѣ русскаго просвѣщенія, и снова русская школа поведетъ силой своихъ питомцевъ къ нѣмецкимъ болотамъ, заразить дѣтей русскаго народа болѣзненными зародышами и парализуетъ въ нихъ то великое родное, чѣмъ можетъ быть силенъ каждый народъ. И пропадутъ тогда подвиги героевъ, стоны и слезы сиротъ, страданія воиновъ, кровь которыхъ будетъ постоянно вопіять къ небесамъ о дѣтяхъ убитыхъ отцовъ, отдаваемыхъ снова на выучку къ тѣмъ же шультейстерамъ, подъ командой которыхъ они находились и прежде.

Мы настойчиво отмѣчаемъ, что недостатки современной русской школы относятся къ системѣ, а не къ лицамъ педагогическаго міра, такъ какъ между ними всегда было много весьма талантливыхъ просвѣщенныхъ и добрыхъ людей. Но всѣ ихъ лучшіе порывы были подавлены бездушной системой.

Съ объявленіемъ войны Россіи быстро забилося ея сердце, и на борьбу съ нѣмецкимъ игомъ двинулась вся Русь, всѣ населяющія ее племена. Всѣхъ объединила одна мысль—мысль о свободѣ отъ порабощенія нѣмцами, которые въ своемъ исключительномъ націонализмѣ признаютъ право на жизнь только за собой и право на развитіе только германской культуры.

Достоинство этой культуры никто отрицать не можетъ, но нельзя не отмѣтить и того факта, что, выражаясь языкомъ извѣстной русской сказки, нѣмцы отъ этой культуры себѣ берутъ вер-

шии, а другимъ оставляютъ корешки. Петръ Великій въ одной собственноручной программѣ празднованія годовщины Ништадтскаго мира предписывалъ возможно сильнѣе выразить мысль, что иностранцы всячески старались не допустить насъ до свѣта разума, да проглядѣли, точно въ глазахъ у нихъ помутилось, и это онъ признавалъ чудомъ Божиимъ, содѣяннымъ для русскаго народа.» (Ключевскій, цит. соч., стр. 499). Нашъ сатирикъ Щедринъ, котораго нельзя обвинить ни въ узкости взгляда, ни въ излишнемъ націонализмѣ, еще рельефнѣе выражаетъ мысль о своекорыстїи нѣмецкой культуры. Въ своей сатирѣ «За рубежомъ» онъ помѣщаетъ разговоръ русскаго и нѣмецкаго мальчика, слышанный авторомъ во снѣ. Нѣмецкій мальчикъ восхваляетъ свои порядки, русскій удивляется имъ, но высказываетъ въ заключеніе разговора горькую правду объ отношенїи нѣмцевъ къ чужимъ. «Есть у васъ и культура, и наука, и свободныя учрежденія, говоритъ русскій мальчикъ, да вотъ что худо: къ намъ то вы приходите совсѣмъ не съ этимъ, а только чтобъ пакостничать. Кто самый безсердечный притѣснитель русскаго рабочаго человѣка? нѣмецъ. Кто самый безжалостный педагогъ? нѣмецъ. Кто вдохновляетъ произволь, кто служитъ для него неумолимымъ и всегда готовымъ орудіемъ? нѣмецъ. И замѣть, что сравнительно ваша наука, все-таки второго сорта, ваши искусства то же, а ваши учрежденія — подавно. Только зависть и жадность у васъ перваго сорта, и такъ какъ вы эту жадность произвольно смѣшали съ правомъ, то и думаете, что вамъ предстоитъ слопать міръ. Вотъ васъ почему вездѣ ненавидятъ, не только у насъ, но именно вездѣ. Вы подѣзжаете съ наукой, а всякому думается, что вы затѣмъ пришли, чтобъ науку прекратить; вы указываете на ваши свободныя учрежденія, а всякій убѣжденъ, что при одномъ вашемъ появленїи должна умереть всякая мысль о свободѣ». (За рубежомъ, изд. 4, стр. 442). Культура обособленности, своекорыстія и угнетенія личности хотя бы и во имя блага націи, не заслуживаетъ такого высокаго названія и послѣдовательно ведетъ къ возврату временъ каннибализма.

Вслѣдствіе господства нѣмецкаго духа въ нашемъ просвѣщенїи мы до сихъ поръ не только не выработали программы само-бытнаго національнаго воспитанія, но не установили даже опредѣленныхъ принциповъ русской школы, такъ какъ намъ было

внушено, что мы ничего не можемъ создать въ области просвѣщенія помимо германцевъ. Мы задыхаемся въ атмосферѣ германизма и не ощущаемъ того страшнаго отравленія, которое портитъ наше тѣло и губитъ нашу душу. Привычка къ самоодурманиванію притупила въ насъ сознание ужаса своего положенія.

Замерзающіе и задыхающіеся въ тѣсномъ помѣщеніи чувствуютъ пріятную истому и постепенно обмираютъ. Въ такомъ состояніи задушенія очутилась русская школа и русское общество. Мы относимся спокойно къ своему духовному усыпленію и теряемъ способность сопротивленія отравляющему насъ яду.

Какъ дѣти иль рабы преданію послушны,
Какъ часто мы бываемъ въ жизни равнодушны
Къ тому, что сердце намъ должно бы разрывать,
Что слезы изъ очей должно бы исторгать. (Плещеевъ).

Русское общество, какъ и вообще все человѣчество, изъ способовъ веденія войны германцами должно убѣдиться, что нѣмецкая культура дѣйствительно второго сорта, что она близка къ патриархальной нравственности первобытныхъ дикарей, для которыхъ своимъ, близкимъ является только человѣкъ одного племени, одного рода или одной семьи. Первобытная нравственность не можетъ возвыситься до сознанія единства человѣчества ни съ религіозной, ни съ біологической точки зрѣнія. На такой же стадіи находится и нѣмецкое просвѣщеніе. И эта точка зрѣнія ведетъ непременно къ обособленности народа и къ отдѣленію его отъ всего человѣчества. Русь еще въ старое время стояла на пути самостоятельнаго развитія природныхъ качествъ, и потому для нея необходимо сбросить съ себя въ просвѣщеніи иго германизма и установить въ школахъ всѣхъ типовъ родное національное воспитаніе.

Подъ названіемъ національнаго воспитанія мы отнюдь не разумѣемъ узкаго націонализма и обособленности націи, такъ какъ это состояніе народа, помимо несоотвѣтствія съ нравственнымъ закономъ, вредно и съ точки зрѣнія общественнаго благополучія. По выраженію нашего философа Вл. Соловьева, «доведенный до крайности націонализмъ губитъ впавшій въ него народъ, дѣлая его врагомъ человѣчества, которое всегда окажется сильнѣе отдѣльнаго народа.» (Т. 4, изд. 2, стр. 7). Не имѣетъ смысла и предоставленіе подавляющаго значенія одной націи въ странѣ съ угнетеніемъ духовной жизни всѣхъ другихъ народностей, такъ какъ всякое насильственное дѣйствіе вызываетъ лишь сопротивле-

ніе и закаливаетъ стойкость угнетаемаго, развращая угнетателя. Когда то сильная Турція пришла къ полному паденію вслѣдствіе систематическаго угнетенія побѣжденныхъ народовъ, а угнетаемые славяне и греки возродились къ новой политической жизни.

Въ оркестрѣ самыми сильными инструментами являются фаготъ и барабанъ. Но предоставленіе имъ господствующаго значенія совсѣмъ не соотвѣтствуетъ понятію о музыкѣ какъ объ искусствѣ. Конечно, и удары барабана могутъ быть названы музыкой, но въ очень условномъ значеніи. Обособленность и народный эгоизмъ совсѣмъ не въ характерѣ русскаго народа, и проявленіе этихъ свойствъ отдѣльными личностями вызываетъ въ народной совѣсти непріятное чувство. Національныя начала просвѣщенія русскаго народа могутъ быть установлены на основахъ природныхъ особенностей русскаго племени, проявившихся въ его исторіи, въ литературѣ, установленіяхъ и въ его письменности.

II.

Опредѣленіе характера сопряжено съ значительными трудностями даже по отношенію къ отдѣльному человѣку, а народный характеръ или духъ народа еще сложнѣе. Но трудность не тождественна съ невозможностью, и потому попытка къ опредѣленію основъ національнаго воспитанія едвали можетъ быть названа безцѣльной и ненужной.

Однако для опредѣленія русскаго народнаго духа необходимо условиться относительно самаго разумѣнія этого понятія. Въ недавнее время была основана особая наука, т. н. этнопсихологія, которая хотѣла установить то положеніе, что каждая раса обладаетъ столь же устойчивой психической организаціей, какъ и ея анатомическія отличія. Эта психическая организація признавалась чѣмъ то неизмѣннымъ, независимымъ отъ географическихъ, социальныхъ и другихъ измѣненій, которыя окружаютъ извѣстную народность. Такой точки зрѣнія держались русскіе славянофилы, ея же придерживались нѣкоторые французскіе и въ особенности нѣмецкіе ученые. Этнопсихологія не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, но она показала, что въ однихъ націяхъ преобладаютъ одни качества, въ другихъ противоположныя, въ зависимости отъ виѣшнихъ факторовъ и отъ неизвѣстныхъ пока причинъ внутренняго свойства. Эти, присуція народности качества, отличаются весьма значительной устойчивостью и сохраняются въ теченіе продолжительнаго періода времени, составляя отличительные видовые признаки націи.

Описаніе характера древнихъ галловъ, сдѣланное Юліемъ Цезаремъ, весьма напоминаетъ характеръ французовъ настоящаго времени, хотя съ той поры протекло около двухъ тысячъ лѣтъ, и условія жизни за это время претерпѣли весьма значительныя измѣненія. Цезарь описываетъ галловъ какъ людей быстрыхъ въ совѣтѣ, влюбленныхъ въ революцію, легкомысленно вѣрующихъ всякой молвѣ, а потомъ жалѣющихъ объ этомъ, теряющихся при первой же неудачѣ, легко возбуждаемыхъ легкой побѣдой, честолюбивыхъ, остроумныхъ, любопытныхъ, краснорѣчивыхъ, одаренныхъ способностью легко выражать свои мысли и поддающихся вліянію красивыхъ фразъ.

Духъ народа можетъ измѣняться съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ условій, можетъ принимать въ себя чужой запахъ, но самыя существенныя свойства остаются въ немъ стойкими и составляютъ особую народную душу. Въ литературномъ изображеніи мы тотчасъ опредѣлимъ національность дѣйствующихъ лицъ, хотя бы имъ не были усвоены національныя фамиліи. Мистеръ Скруджъ останется англичаниномъ во всякомъ костюмѣ, и Тигъ Титычъ Брусковъ не можетъ превратиться ни въ нѣмца, ни въ американца, какъ бы мы его ни назвали.

Нація состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, а люди далеко не одинаковы. Сочетанія качествъ въ индивидахъ разнообразны до безконечности. Отсюда вытекаетъ положеніе о невозможности выравниванія всѣхъ людей по одной мѣркѣ. Старинная педагогика, въ лицѣ Гельвеція и Локка, утверждала, что человѣческая душа представляетъ собою чистый листъ бумаги, на которомъ воспитатель можетъ написать все, что ему угодно. Въ дальнѣйшемъ развитіи педагогическая мысль бросилась въ обратную сторону и доказывала, что образованіе человѣка зависитъ исключительно отъ его прирожденныхъ особенностей, и дошла до своего рода фатализма, предопредѣленія однихъ дѣтей къ просвѣщенію и образованію, а другихъ къ одичанію. Современное направленіе психологій и педагогики базируется и на наслѣдственности и на возможности воспитанія. «Воспитаніе должно помочь наслѣдственности, поскольку оно должно стремиться создать въ нѣдрахъ расы прочныя улучшенія и бороться съ нею, поскольку она стремится накопить въ индивидуумѣ свойства разрушительныя, вредныя для расы». (Гюйо. Восп. и наслѣдств. 1900. Пред.).

Воспитаніе, удаляющееся отъ наслѣдственности, само себя обрекаетъ на бесплодность и можетъ держаться только внѣшнимъ давленіемъ. Въ частности относительно русской школы К. Д. Ушинскій говоритъ: «Напрасно мы хотимъ выдумывать воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ—съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Эта почва, изъ которой выросли новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись къ ней сзмой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ; но пересоздать ее невозможно». (Собр. педаг. соч. 1875 г. стр. 272). Ту же мысль въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ подтверждаетъ и С. А. Рачинскій. Онъ говоритъ о начальной школѣ, что она «была и будетъ не зеркаломъ оффиціальныхъ распоряженій и программъ, ни стремленій лицъ, у кормила правленія стоящихъ, а зеркаломъ глубочайшихъ движеній общественнаго и церковнаго духа, его затмѣній и просвѣтлѣній, его дремоты или подъема». (Сельская школа, стр. 263).

Опредѣленіе исконнаго характера народа, его души затрудняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ каждой націи можно встрѣтить смѣшеніе нѣсколькихъ народностей, и въ представителяхъ націи могутъ оказываться черты, свойственныя или преобладающія въ другомъ народѣ. Въ этомъ случаѣ мы становимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ о наслѣдственности. Этотъ вопросъ въ настоящее время поставленъ на довольно твердую почву въ видѣ т. н. менделизма, хотя еще не разработанъ съ достаточной достовѣрностью. Однако теперь можно утверждать, что наслѣдственность въ природѣ существуетъ, и выработавшіяся исторически качества сохраняются въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока. Если же сохраненіе наслѣдственныхъ качествъ существуетъ, то возможно и опредѣленіе преимущественнаго настроенія извѣстнаго народа, его характера, его души.

Воспитаніе новыхъ поколѣній, привитіе къ нимъ желательныхъ свойствъ необходимо должно сообразоваться съ этимъ духомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ новая культура не привьется къ существующимъ наличнымъ свойствамъ, какъ не прививается яблоня къ ивѣ, роза къ липѣ. Въ борьбѣ наслѣдственныхъ качествъ побѣда оказывается не только на сторонѣ сильныхъ, но и въ области

полезныхъ для вида. Сильный народъ не подвергается духовному порабощенію и остается самимъ собой при всѣхъ условіяхъ политической жизни. Древніе завоеватели, въ цѣляхъ уничтоженія народной самобытности, переселяли покоренное населеніе въ другія области. Однако іудеи въ Вавилонѣ не выродились въ вавилонянъ, а стали вавилонскими іудеями, переселенные въ Александрію они же не превратились въ грековъ, а сдѣлались александрійскими іудеями.

Позднѣйшіе завоеватели—Александръ Македонскій, римская республика не переселяли націй въ новыя страны, а стремились къ сліянію покоренныхъ народовъ съ Римомъ посредствомъ постепеннаго ввѣдренія греко-римской цивилизаціи въ покоренныя области. Но и эта попытка не удалась. Народы, крѣпко спаянные своимъ національнымъ духомъ, образовали новыя самостоятельныя государства, которыя существуютъ и теперь, хотя самъ объединитель давно растаялъ и исчезъ, вслѣдствіе утраты национальной души, безъ которой тѣло римской имперіи превратилось въ трупъ.

Старинная Русь, угнетенная несмѣтными полчищами татаръ, наведшихъ на русскихъ паническій ужасъ и оцѣпѣненіе, не потеряла своей души и воскресла для новой жизни. Было время и довольно значительное, когда всѣ мысли русскаго человѣка группировались около одной думы о сохраненіи своей жизни, когда русскіе люди приходили въ трепетъ при одномъ словѣ—татаринъ, когда дѣти съ пеленокъ пугались этого страшнаго слова, но Русь осталась живой вслѣдствіе сохраненія своего народнаго духа. При этой страшной бурѣ лишь часть русскихъ людей утратила свою самобытность, усвоивъ нравы и характеръ поработителей, но главное ядро осталось цѣлымъ, и оно впоследствии дало живые ростки. Внѣшнія условія не могутъ проходить совершенно безслѣдно для человѣка и для цѣлой націи, но они не могутъ совершенно измѣнить облика ихъ. Въ поясненіе этого положенія мы можемъ привести слова извѣстнаго историка литературы Венгерова. Онъ, дѣлая попытку объясненія подлинной души Гоголя, такъ различно проявившейся въ «Ревизорѣ», въ «Мертвыхъ душахъ» и въ «Перепискѣ съ друзьями» говоритъ: «Люди рождаются съ равнодушіемъ къ истинѣ или съ пламеннымъ къ ней стремленіемъ, съ легкою, но переменчивою воспримчивостью или съ такою, что ужъ разъ что усвоено, такъ на вѣкъ; съ стремленіемъ къ наслаж-

денію или съ аскетическими наклонностями; съ жаждою подвига или глубокимъ эгоизмомъ; съ жизнерадостностью или равнодушіемъ къ благамъ земнымъ; съ органическою потребностью самопожертвованія или столь же органическою неспособностью къ нему. Эти черты характера могутъ принять подъ вліяніемъ разныхъ условій тѣ или другія формы, но никогда не мѣняются по существу и однѣ только и даютъ вѣрный ключъ къ пониманію душевнаго и духовнаго облика. (С. А. Венгеровъ. Очерки по ист. русск. лит. Изд. 2, стр. 176). Сказанное относительно отдѣльнаго человѣка въ извѣстной степени находитъ мѣсто и въ жизни народа, который сохраняетъ свои національныя черты въ теченіе всей своей исторіи.

Ясно, что можно говорить о духѣ народа не въ Россіи оффиціальной, не въ томъ «народѣ», въ который ходили люди семидесятыхъ годовъ, и не о томъ, который представляютъ на судъ читающей публики писатели марксистскаго направленія. Мы будемъ говорить о русскомъ народѣ въ его цѣломъ, сохраняющемъ непрерывную связь со своимъ прошлымъ и выражающимъ внутри себя свои подлинныя чувства, а не то озлобленіе, которое явилось вслѣдствіе полнаго разобщенія между народомъ и представителями оффиціальной Россіи.

Къ глубокому прискорбію, право русскаго народа на самостоятельное развитіе и на самобытную культуру приходится доказывать, такъ какъ сторонники западничества давно рѣшили, что у русскаго народа собственной души быть не можетъ, что она должна быть вывезена изъ Германіи въ совершенно готовомъ видѣ, а русскій народъ обязанъ лишь эту чужую душу окружить своими заботами. По мѣткому выраженію Вл. Соловьева русскіе охранители рѣшили «что истина для Россіи дана въ совершенно готовой и окончательной формѣ и не только дана, но и сдана на храненіе въ подлежащее вѣдомство: и утвердили гробъ, и запечатали камень, и приставили стражу». (Т. пятый, изд. 2, стр. 73).

III.

Досто вѣрная исторія русскаго народа начинается со времени св. князя Владиміра, а потому и выясненіе народнаго духа можетъ быть начато только съ этой поры. Правда, встрѣчаются нѣкоторыя данныя о славянахъ у византійскихъ историковъ и ранѣе крещенія Руси, но эти свѣдѣнія настолько отрывочны, что строить по нимъ какіе либо выводы весьма рискованно.

Исторически достоверно, что князь Владиміръ принялъ крещеніе отъ грековъ. Подробности этого событія, передаваемые въ лѣтописяхъ, подвергаются сильному сомнѣнію исторической критикой. Но несомнѣнно, что римскій папа дѣлалъ неоднократныя попытки къ обращенію русскихъ въ христіанство и подчиненію Руси юрисдикціи апостольскаго престола. Однако эти попытки успѣхомъ не увѣнчались. «Крестившись отъ папы. Владиміръ вступилъ бы въ многочисленный сонмъ, окружавшихъ его государей, могъ бы получить королевскій вѣнецъ,—все это было очень лестно... Но съ другой стороны, вступивъ въ сонмъ онъ былъ бы въ немъ младшимъ и послѣднимъ; онъ сдѣлался бы весьма ограниченнымъ въ своей свободѣ. Напротивъ, крестившись отъ грековъ, Владиміръ сохранялъ всю свою свободу и не подвергалъ себя никакой опасности быть въ мальчикахъ и на послугахъ у другихъ». (Проф. Голубинскій. Исторія русск. церкви, изд. 2, т. I, стр. 158). Въ этомъ поступкѣ Владиміра сказалась родная русскимъ черта—предпочтеніе внутренней свободы внѣшнему благополучію и тщеславію. Конечно, единичный примѣръ князя не говоритъ ничего о характерѣ цѣлой націи. Но къ разъясненію характера русскаго народа можетъ служить отвѣтъ многихъ кіевлянъ на приглашеніе принять крещеніе. «Если бы новая вѣра была бы худа, сказали кіевляне, то князь и бояре не приняли бы ее». Такой отвѣтъ свидѣтельствуетъ о полномъ довѣрїи народа къ своимъ правителямъ. А подобное довѣріе можетъ быть прїобрѣтено лишь соотвѣтствіемъ дѣйствій правительства съ желаніями народа. Ясно, что въ данномъ случаѣ въ князѣ Владимірѣ вылился народный взглядъ, и потому единичный поступокъ князя можетъ быть разсматриваемъ какъ проявленіе народнаго духа. Древнія правительства стремились приказывать своимъ подчиненнымъ во всемъ. Въ Коранѣ Магомета записано такое характерное преданіе: «Египетскіе волхвы, убѣжденные чудесами Моисея, сказали: мы вѣруемъ во Всевышняго, Бога Моисея и Аарона. Фараонъ: сказалъ развѣ вы можете вѣрить безъ моего позволенія?» (Сура 26, 45—48). Въ этомъ преданїи сказался взглядъ востока на право повелителей распоряжаться даже душой подвластныхъ людей, но въ событіи крещенія Руси мы видимъ обратное—довѣріе подчиненныхъ къ правящимъ классамъ. Отсюда съ достоверностью можно заключить, что предоставленіе высшей нравственной свободы каждому члену общества у славянъ въ древнее время было обычнымъ.

Народъ это возрѣніе выразилъ въ былинѣ о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ. Неузнанный съ перваго раза и потому принятый не по достоинству, Илья удаляется отъ князя и пируетъ съ голями кабацкими. Князь Владиміръ посылаетъ за богатыремъ Добрыню Никитича. Илья на зовъ пришелъ. Князь встрѣтилъ его ласково,

Цѣловалъ да во уста сахарныя,

Говорилъ самъ таковы слова:

«Гой еси ты, старый Илья Муромецъ.

Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,

Такъ твое теперь мѣстечко да повыше всѣхъ.

Гой вы слуги мои, слуги вѣрныя,

Проводите стараго на мѣсто большее.

Но Илья Муромецъ заботится совсѣмъ не о себѣ, для него дороги интересы большинства, скорби обездоленныхъ. Онъ ищетъ подлинной правды.

Не садился онъ на мѣсто большее—

Сѣлъ на мѣсто на среднее,

Рядомъ посадилъ голей кабацкихъ

и желалъ имъ привѣта и угощенія отъ князя.

Издатель былинъ Авенариусъ къ сказанію о ссорѣ Ильи съ княземъ Владиміромъ дѣлаетъ такое примѣчаніе. «Эта былина заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ ней муромскій герой, усадивъ съ собой голей кабацкихъ, удовольствовавшись самъ мѣстомъ среднимъ, ратуетъ за равноправность сословій, которая лишь девять вѣковъ спустя дарована была русскому народу». (Книга былинъ, XIII). Въ былинѣ—Илья Муромецъ и Калинъ царь князь Владиміръ по собственному почину предоставляетъ народу ту самую льготу, которой Илья обусловливалъ свое примиреніе съ княземъ. Пламенное стремленіе къ истинѣ, идеализированіе борцовъ за нее, проходитъ черезъ всю исторію русскаго народа въ домонгольскій періодъ. Эта мысль рельефно выражена нашимъ роднымъ поэтомъ А. Толстымъ въ художественной былинѣ «Змѣй Тугаринъ», изъ которой мы и приведемъ выдержки ради сокращенія характеристики русскаго народа.

Поэтъ изображаетъ пиръ князя Владиміра, на которомъ змѣй Тугаринъ, превратившійся въ пѣвца, предвѣщаетъ Руси разныя испытанія.

Ты, княже, могучь и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ,
— Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанеть тяжелое время,
Обнимуть твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя.

Это предсказаніе кажется настолько неправдоподобнымъ, что вызываетъ лишь смѣхъ въ князѣ и его богатыряхъ—Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ и Добрынѣ Никитичѣ. А Тугаринъ продолжаетъ:

Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна.
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снести,
Бездѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: «Да будетъ мнѣ стыдно».
На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле—
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче—каганская воля.
Стой, молвить Илья, твой голосъ хоть чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа.
Былъ воръ Соловей, какъ и ты голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ—
Съ тобой не случилось бы то же.
— Пѣвецъ продолжаетъ—и время придетъ:
Уступить нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подыметъ русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.
И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своимъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ—
Ой, срама, ой горькаго срама.
— Стой, молвить Алеша, хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, цоганая рожа,

Зашла разъ корова къ отцу на погость,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ—
Тебѣ не было бы того же.

Но тотъ продолжаетъ, ослабивши пасть:
—Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь власть,
И вотъ, наглотавшись татарщины власть,
Вы Русью ее назовете.

Такое предсказаніе переполняетъ чашу терпѣнія присутствующихъ. Добрыня беретъ лукъ со стрѣлами, но Тугаринъ мгновенно оборачивается въ змѣя и уплываетъ по Днѣпру. Князь Владиміръ возмущается пѣснями Тугарина и высказываетъ увѣренность, что Русь останется неизмѣнной въ своихъ лучшихъ убѣжденіяхъ на вѣки.

А если бѣ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ.
Бываетъ, примолвилъ свѣтъ—солнышко князь,
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться лишь свиньи въ ней могутъ.

Графъ Алексѣй Толстой извѣстенъ въ качествѣ автора прекраснаго историческаго романа «Князь Серебряный» и драматической трилогіи, а потому его мнѣніе о характерѣ русскаго народа, проникнутое чутьемъ поэта, само по себѣ могло бы имѣть значительную долю убѣдительности. Тѣмъ болѣе, что Толстой по своимъ взглядамъ примыкалъ болѣе къ западникамъ, нежели къ славянофиламъ. Но, конечно, мы можемъ отнести къ нему какъ лишь къ художнику, а не историку.

Исканіе высшей правды, жажда подвига и служенія ближнимъ, соединенныя со смиреніемъ, обрисовываются народомъ особенно яркими чертами въ былинахъ о любимомъ богатырѣ—крестьянинѣ Ильѣ Муромцѣ, который всю свою жизнь посвящаетъ на служеніе ближнимъ, освобождая Черниговъ отъ несмѣтныхъ басурманскихъ полчищъ, уничтожаетъ нечестиваго Идолица и побѣждаетъ Соловья разбойника, отъ котораго залегла въ Кіевъ дорога прямоѣзжая ровно на тридцать лѣтъ. При всей своей богатырской силѣ Илья не нападаетъ ни на кого безпричинно, не мыслитъ зломъ даже на татарина. Въ самобытномъ русскомъ поэтическомъ произведеніи XII в.—«Словѣ о полку Игоревѣ» пробуж-

деніемъ личныхъ интересовъ среди князей въ ущербъ требованіямъ общественнаго благополучія объясняются бѣдствія Русской земли отъ сосѣдей. Князья стали говорить: «Се мое, а то мое же и о маломъ стали говорить: се великое». Оттого Русь и начали одолевать погонные».

Въ быльнѣ «Какъ перевелись богатыри на святой Руси» самохвальство и гордость выставяются прямой причиной гибели семи богатырей, изъ которыхъ каждый по одиночкѣ могъ справляться съ цѣлыми полчищами враговъ. Встрѣтившись съ силой невѣрной, настолько многочисленной, что «добру молодцу той силы не объѣхати, сѣру волку не обрыскати», богатыри вступаютъ съ ней въ бой. Побѣда явно склоняется на сторону богатырей, и этотъ успѣхъ кружитъ имъ голову. Изрубили они силу до единого и

Стали молодцы тутъ похвалятися,
Какъ у насъ у могучіихъ богатырей,
Плечи молодецкія не намахалися,
Кони добрые не уходилися,
И мечи булатные не притупилися,
И возговоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу хоть небесную,
Мы и съ тою силой, братцы, справимся».

Вслѣдъ за такой похвальбой явилось двое супротивниковъ. Разрубилъ ихъ Алеша на двое, и стало супротивниковъ четверо, разрубилъ и четверыхъ, и стало ихъ восемь, разрубилъ Илья—и стало супротивниковъ вдвое. Богатыри убѣжали къ горѣ и окаменѣли.

Проявленіе личности, предоставленіе ей свободы выбора въ служеніи обществу среди древнихъ славянъ давало возможность обнаруженія личныхъ качествъ cadaго челоѣка и избавляло общество отъ возникновенія индивидуализма, своеволия и произвола. Отношеніе князя къ подданнымъ и даже вотчинника къ своимъ крестьянамъ отличалось значительной степенью нравственной свободы, и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ состоялась лишь во время Бориса Годунова, при явномъ несочувствіи общества.

Нашествіе татаръ, какъ бѣдствіе стихійное, не могло не отразиться на характерѣ русскаго народа и въ особенности его правящихъ классовъ, представители которыхъ поддались соблазну татарщины и наслажденія страданіями слабыхъ. Однако это вліяніе

не измѣнило духа всего русскаго народа. Какъ движеніе огромныхъ ледяныхъ массъ въ ледниковую эпоху коснулось лишь поверхности песчаниковъ и гнейсовъ, не превративъ ихъ известняки, а лишь наружно оцарапавъ ихъ поверхность, такъ и татарщина не могла измѣнить и сокрушить душу народа. Оцѣпенѣвшая при погромѣ Русь поднялась, благодаря своей врожденной жаждѣ подвига и стремленія къ идеалу. Невидимо совершились всходы русскаго самосознанія послѣ татарскаго нашествія, а орошеніе ихъ выпало на долю одинокому отшельнику сѣвера-Сергію Родонежскому. Онъ примѣромъ собственной жизни указалъ Руси пятнадцатаго вѣка на возможность нравственнаго подъема при свѣтѣ вѣчности. Если Архимедъ могъ сказать: „дайте мнѣ точку опоры и я переверну землю“, то скромный подвижникъ нашелъ эту точку по отношенію къ русской душѣ. Запуганный, растерявшійся, духовно обезсилѣвшій русскій народъ нуждался въ напоминаніи о забытыхъ идеалахъ, и это напоминаніе вполне своевременно было ему дано. Забытое воскресло вновь и указало русскимъ людямъ,

Что нѣчто лучшее есть въ свѣтѣ,

Чѣмъ наша радость и печаль.

Воспрянулъ духъ русскаго народа, высшія потребности возобладали надъ зоологическимъ инстинктомъ самосохраненія, и Русь почувствовала въ себѣ силу на борьбу съ врагомъ, словно былинный герой Илья Муромецъ учуялъ въ себѣ силу могучую послѣ тридцатилѣтняго сидѣнья.

Въ сообразности съ психологическимъ моментомъ кроется и тотъ успѣхъ, какой выпалъ на долю преп. Сергія. Къ нему, въ лѣса дремучіе, въ убогую келью пришелъ самъ князь Димитрій Донской за благословеніемъ на тяжелый подвигъ, при началѣ похода противъ татаръ. Этотъ скромный подвижникъ выразилъ въ себѣ народную душу, ищущую не внѣшнихъ удобствъ и мимолетной славы а подлинной правды и великаго подвига. Самъ Сергій остался вѣрнымъ этому исканію небесъ до конца своей жизни и, не смотря на просьбу великаго святителя Московскаго Алексія и самого князя, не захотѣлъ промѣнять убогой кельи, бѣдной церкви и постояннаго физическаго и молитвеннаго труда на каѳедру митрополита всея Руси, со всѣмъ ея блескомъ и государственнымъ значеніемъ. Не обладая внѣшнимъ величіемъ, Сергій былъ власти-

телемъ Руси, благодаря своему нравственному величію, и этому монаху въ грубомъ холщевомъ подрясникѣ, въ крашенинной ризѣ повиновались удѣльные князья, такъ какъ этотъ монахъ носилъ въ себѣ отображеніе лучшихъ чувствъ старинной Руси.

Татарщина смяла въ душѣ многихъ русскихъ людей высоту духовнаго подъема, стремленіе къ потустороннему міру, послѣдующія событія объединенія Руси, возвышеніе Москвы, съ почитаніемъ себя «третьимъ Римомъ», мистическое упоеніе властью Грознаго царя, производившаго свой родъ отъ брата римскаго импер. Августа, времена самозванщины сѣяли въ русскомъ служиломъ обществѣ, въ головѣ русскаго народа совсѣмъ иныя наклонности. Но и эти историческія обстоятельства не могли въ корнѣ исторгнуть жажду подвига и служенія обществу среди лучшихъ русскихъ людей, дѣянія которыхъ находили откликъ въ народной душѣ и имена которыхъ облакались ореоломъ святости. Митрополитъ Филиппъ, архіепископъ Германъ, патріархъ Ермогенъ, архіепископы Митрофанъ и Тихонъ еще до канонизаціи ихъ церковной властью чтились въ качествѣ святыхъ. Псковскій юродивый, встрѣтившій Грознаго съ кускомъ сырого мяса въ постъ и назвавшій Іоанна сыроядцемъ, остался неприкосновеннымъ со стороны Грознаго, не стѣснявшагося отдавать на разграбленіе опричникамъ дома наиболѣе родовитыхъ бояръ, такъ какъ за юродиваго встала стѣною вся народная толпа, готовая претерпѣть казнь, но защищавшая поборника высшей правды. Даже послѣ всѣхъ пережитыхъ невзгодъ русскій человѣкъ не могъ перенести порухи на свою честь и, считая себя недостойнымъ ея, относилъ эту честь къ своимъ предкамъ. Споры о мѣстничествѣ, о древности рода могутъ быть разсматриваемы, какъ отнесеніе высокаго званія русскаго человѣка къ своему прошлому, гдѣ правда не была запятнана никакимъ малодушіемъ, никакимъ шатаніемъ. И русскій бояринъ соглашался лучше пожертвовать своей собственной жизнью, нежели унижить свой родъ предъ человѣкомъ изъ новыхъ служилыхъ людей. При возникновеніи раскола главнымъ аргументомъ противъ исправленія книгъ служила ссылка на предковъ. По стариннымъ книгамъ спасались русскіе угодники, а потому хула на книги, по взгляду спорившихъ, являлась хулою противъ этихъ угодниковъ. Сами современники исправленія книгъ, при обядовѣрномъ взглядѣ на религію, могли опасаться за спасеніе своей собственной души отъ принятія но-

выхъ обрядовъ. Но центромъ вниманія въ этомъ случаѣ были предки, просіявшіе святители. „Умремъ за батюшку аза“, говорили противники исправленій, такъ какъ этотъ азъ не нами положенъ, пусть онъ и лежитъ во вѣки вѣкомъ. И за идею шли на смерть сотни русскихъ людей всѣхъ возрастовъ, хотя имъ предлагались различныя льготы за подчиненіе распоряженіямъ духовной власти. Извѣстный протопопъ Аввакумъ, сосланный по опредѣленію великаго Московскаго сбора, былъ возвращенъ изъ ссылки, приближенъ ко двору, пользовался всѣми благами своего положенія, но предпочелъ страданія за идею и кончилъ жизнь на кострѣ. Мы не сомнѣваемся, что Аввакумъ стоялъ за ошибочную мысль, но чувствомъ онъ выражалъ настроеніе народа и шелъ на страданіе не ради себя, а ради идеи.

Насъ съ дѣтства умилялъ отвѣтъ Θεемистокла: „бей, но выслушай“. А развѣ менѣе величія въ поступкахъ русскихъ людей, которые приходили къ князю, ложились головой на плаху и просили: «не вели, князь, казнить, повели слово вымолвить». И это слово обычно касалось не личныхъ нуждъ просителя, а общаго дѣла. Даже въ самое послѣднее время, можно указать на т. н. ходоковъ по мірскимъ дѣламъ, которые идутъ завѣдомо на всевозможныя неприятели, терпятъ лишенія и невзгоды, но добровольно соглашаются принять на себя трудъ ходатайства по какому нибудь общему дѣлу, порадытъ за міръ. Самоотреченіе свойственно великимъ натурамъ и великимъ націямъ. Во всемірной исторіи мы мало можемъ найти такихъ лицъ, какъ Моисей и ап. Павелъ, которые молились Богу приблизительно въ одинаковыхъ словахъ: «Господи, если согрѣшилъ предъ тобою народъ, то вычеркни меня за него изъ книги живыхъ, но спаси его». А такіе люди встрѣчались да и доселѣ встрѣчаются въ русскомъ народѣ.

Вся русская художественная литература проникнута порывомъ къ высокимъ идеаламъ, къ господству духа надъ тѣломъ, и даже въ произведеніяхъ послѣдняго времени, испачканныхъ подробностями порнографіи, проявляются типы самоотверженныхъ искателей подвига. Въ пресловутомъ романѣ Вербицкой.— «Ключи счастья» Янъ повторяетъ нѣсколько разъ, что жалость—это сорныя травы души, но въ то же время тонетъ въ пруду, спасая совершенно посторонняго для него мальчика. Въ романѣ Арцибашева «Санинъ» чахоточный студентъ Семеновъ представляетъ собою

типъ искателя вѣчной правды. На вопросъ Юрія, читалъ ли онъ послѣднюю рѣчь Бебеля, Семеновъ отвѣчаетъ: «Вотъ вы думаете, что все это очень важно... то, что случилось въ университетѣ, или что сказалъ Бебель. А я думаю, что когда вамъ, какъ мнѣ, придется умирать, такъ вамъ и въ голову не придетъ думать, что слова Бебеля, Ницше. Толстого или кого тамъ еще, имѣютъ какой либо смыслъ» (Стр. 31). Мы намеренно проводимъ примѣры изъ наиболѣе далекихъ отъ богоискательства произведеній для установленія того положенія, что всякій болѣе или менѣе одаренный художественнымъ чутьемъ русскій писатель непременно затронетъ вопросъ о высшей правдѣ, о подвигѣ, о служеніи человечеству. Вся русская литература носить дидактическій характеръ и полна вопросами религіи и морали. Такіе типы, какъ Лукерья въ рассказѣ Тургенева «Живыя мощи», Лиза Калитина, Вѣра и Марейнька, Алеша Карамазовъ, старецъ Зосима, Соня въ романѣ «Преступленіе и наказаніе» не вымышлены авторами, а списаны съ русской дѣйствительности и затрогиваютъ наиболѣе чувствительныя нервы русской души.

Внутренняя свобода, воспитаніе воли въ подвигахъ самоотреченія ради служенія ближнимъ въ глазахъ русскаго человѣка всегда были высшей цѣнностью, идеаломъ, предъ которымъ онъ преклонялся. Свой подвигъ русскій человѣкъ любитъ совершать въ тиши уединенія. Онъ словно стыдится той высоты, на которую поднимаютъ его крылья духа. И въ войнѣ и въ мирѣ было неоднократно отмѣчено, что русскій человѣкъ умираетъ какъ то совершенно особенно, спокойно, серьезно и съ покорностью. Своей жизнью ради общаго блага онъ жертвуетъ такъ, какъ будто подобное дѣяніе вошло у него въ прочную привычку. И нельзя не согласиться со словами К. С. Аксакова: «Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной позы, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе небольшую роль; принадлежность личности необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства, съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольского драматизма страстей. (Цит. по Венгерову. Очерки по ист. русск. лит. изд. 2, стр. 469). Съ такой

характеристикой смиренія и величія русской души среди подвиговъ добра совпадаетъ вполнѣ художественное изображеніе русской жизни въ «Запискахъ охотника» Тургенева.

Постоянная мысль о предпочтеніи общаго блага личнымъ удовольствіямъ никогда не оставляла русской народъ. И когда старинная Русь сознала необходимость заимствованій изъ западной Европы техническихъ умѣній, то первымъ опасеніемъ въ этомъ отношеніи явилось соображеніе о совмѣстимости чужихъ внѣшнихъ удобствъ со своими, вѣками выношенными устоями жизни. Усвоенное однажды для русскаго человѣка, по его складу, необходимо сохранить неизмѣннымъ во вѣкъ и передать нерушимымъ своимъ дѣтямъ. Въ мысли о совмѣстимости чужого со своимъ, какъ выражается проф. Ключевскій, «было соображеніе политики или народной педагогіи, привыкшихъ разсматривать людей съ точки зрѣнія общаго блага и общественнаго порядка, во имя которыхъ онѣ оберегаютъ цѣльность и самобытность народной жизни, чтобы не стала смута въ странѣ». (Слова и рѣчи, стр. 394). Такая точка зрѣнія на каждого человѣка какъ на часть одного общества, міра, типично отличается отъ германскаго трактованія человѣка, какъ собственности государства. Послѣднее въ глазахъ нѣмца является своего рода божествомъ, лишающимъ отдѣльныхъ людей всякой инициативы, всякой предприимчивости. Русь же подчиняла и государство и правителя одному нравственному закону, обязательному одинаково и для правителя, и для подвластнаго. Старинные книжники весьма часто говорили о князьяхъ словами Св. Ефрема Сирина, что они властію «Бози бывше, изомрутъ яко человѣцы, во пса мѣсто сведены будутъ, во адъ», если будутъ любить незаконные прибыли. (Цит. по кн. Т. А. Сухарева. Развѣт. націон. самосозн. въ древней Руси. Раненбургъ 1914, стр. 147). Русскій человѣкъ хотѣлъ служить обществу не ради него самого, а ради высшаго начала, ради высшей правды и притомъ по законамъ своей личной совѣсти. Свобода, понимаемая въ обыденномъ значеніи, представляетъ сама по себѣ начало формальное. Она одинаково можетъ вести и къ добру и ко злу. Поэтому необходимо остановиться на отображеніи этой свободы въ исторіи русскаго народа.

Принявши христіанство изъ Византіи, русскіе люди были представлены сами себѣ въ устройствѣ своей жизни на началахъ новой

религіи. Греки дали новообращенному народу книги, устроили ієрархію и не вмѣшивались во внутреній укладъ русской жизни. Русскіе люди, получивъ готовые обряды, богослуженіе, установленія и церковныя правила должны были идти путемъ синтеза, отъ общаго къ частному и сами старались соединить свои народныя взгляды съ христіанствомъ. Находясь на низкой ступени умственнаго развитія, русскіе люди увѣровали въ авторитетъ при разсужденіи о вопросахъ вѣроученія, а практическую сторону христіанства, нравственность усвоили сердцемъ, непосредственнымъ чувствомъ. И христіанская нравственность нашла добрую почву для своего роста.

По выраженію проф. Бречкевича «христіанство на кн. Владимира оказало вліяніе болѣе глубокое и сильное, чѣмъ ожидали и желали его просвѣтителі греки». (О славян. и ихъ сосѣдяхъ, стр. 13). Усвоивъ истину чувствомъ, Владимиръ желалъ не разсуждать о ней, а воплотить ее въ жизнь народа. Онъ отмѣнилъ смертную казнь даже за самыя тяжелыя преступленія, старался строить храмы и благотворить всѣмъ нуждающимся. И эта дѣятельность князя-христіанина нашла отголосокъ въ народномъ сознаніи, окружившемъ образъ Владимира свѣтомъ любви и радости.

Для выясненія характеристики русскаго народа не излишне привести сопоставленіе князя Владимира съ королемъ франкскимъ Хлодвигомъ. «Хлодвигъ, котораго преданія и послѣдующія поколѣнія хотять представить христіаниномъ, на дѣлѣ и послѣ принятія христіанства остался язычникомъ, не смотря на исполненіе христіанскихъ обрядовъ. Онъ убилъ множество своихъ родственниковъ и другихъ лицъ. Его сыновья и вообще его дальнѣйшіе потомки усвоили приемы своего предка по отношенію къ родственникамъ и богатымъ людямъ. Но къ ихъ дѣяніямъ народная мысль и народное чувство отнеслось безъ всякаго негодованія. Въ ихъ глазахъ цѣлый рядъ убійствъ, совершенныхъ предъ лицомъ франковъ христіанъ и франкской церкви вовсе и не были пресупленіями. Григорій, епископъ Турскій, послѣ разказа о двухъ коварныхъ убійствахъ Хлодвига прибавляетъ: «Каждый день Господь поражалъ враговъ Хлодвига его рукою и увеличивалъ его владѣнія, потому что Хлодвигъ съ чистымъ сердцемъ обращался къ Богу и исполнялъ, что Ему было пріятно». (Бречкевичъ, назв. соч., стр. II). Были примѣры преступленій и среди славянскихъ князей послѣ принятія ими христіанства, но эти преступленія вызывали надле-

жащую оцѣнку, и самыя имена преступниковъ переходили въ потомство съ надлежащими эпитетами:

Князь Святополкъ Владимировичъ не совершилъ и пятой доли злодѣяній Хлодвига, но онъ перешелъ въ потомство съ прозваніемъ Окаяннаго. Борисъ Годуновъ за одно только преступленіе клеймится въ былинѣ названіемъ злодѣя.

Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царить же злодѣй ровно семь годовъ.

Галицкій князь Димитрій Шемяка далъ имя всякому неправедному суду, называемому и доселѣ Шемякинымъ.

Въ отношеніи народа къ извѣстному лицу или событію называется духъ народа, а потому строгій приговоръ нарушителю правды говоритъ о любви народа къ этой правдѣ.

На почвѣ исканія идеала и подвига среди славянъ объясняется и быстрый успѣхъ христіанства среди русскаго народа. Историки обычно объясняютъ привитіе христіанства на Руси слабымъ развитіемъ языческой религіи. Но такое объясненіе намъ кажется не убѣдительнымъ. Религія является проявленіемъ чувства, а не разсудка, въ особенности въ своей первобытной формѣ. Поэтому вытѣсненіе язычества христіанствомъ не можетъ быть объяснено отсутствіемъ среди славянъ догматики и слабымъ развитіемъ культа. Мы видимъ и до сего времени, что языческія вѣрованія безсознательно живутъ въ народѣ и выражаются въ различныхъ примѣтахъ, пѣсняхъ и обрядахъ. Но эти вѣрованія сохраняются въ видѣ добавочныхъ переживаній старины, въ видѣ связи современности съ древними временами, и они отнюдь не служатъ нормой отношеній между отдѣльнымъ человѣкомъ и обществомъ. Умомъ русскій человѣкъ отвергаетъ пережитки старины, но чувство сохраняетъ ихъ въ поэтическихъ образахъ. Пѣсни русскаго народа считаются по своему вдохновенію единственными въ мірѣ не только русскими учеными, но и иностранными историками литературы. По этому признаку вполне возможно признать русскіхъ людей націей эмоциональной, а не интеллектуальной. Чувство же сильнѣе разума дѣйствуетъ на волю, и потому исконный русскій человѣкъ искалъ въ жизни проявленія добра въ дѣйствіяхъ, а не на словахъ.

Эта черта проходить красной нитью по всей русской истории и выливается въ стремленіе къ благотворительности. Русскій чело-вѣкъ всегда стремился къ оказанію помощи бѣдствующимъ по средствомъ личной милостыни. Не говоря о такихъ выдающихся добрыхъ людяхъ, какими были Іуліанія Лазаревская, княгиня Муромская, бояринъ Θεодоръ Ртищевъ и царица Марія Ильинична мы можемъ указать какъ на несомнѣнный фактъ, что русскіе князья и цари наканунѣ большихъ праздниковъ и въ самые праздники тайно посѣщали тюрьмы и остроги, оказывая милость заключеннымъ, а всѣ богатые люди устраивали кормленіе нищей братіи и сами прислуживали во время обѣдовъ. И не даромъ особенной любовью на Руси пользовались такіе сватые, которые отличались при жизни дѣлами милосердія. Такъ напр., свититель Николай почитается на Руси больше, нежели на своей родинѣ. То же самое можно сказать о Филаретѣ Милостивомъ и о добромъ князѣ Владимірѣ.

Дѣланіе добра составляетъ идеаль русской души, и за добро оказываются побѣдителями во всѣхъ сказкахъ добрая, но загнанная падчерица, нелюбимая дочка, беззлбный, простоватый, но добрый Иванушка. На книжную мудрость русскіе люди смотрѣли какъ на средство пріобрѣтенія умѣнья дѣлать добро. Для древней Руси наука была цѣнна не по формальному знанію, а по степени совершенствованія чело-вѣка черезъ нее въ нравственной жизни. Принято думать, что древняя Русь не искала просвѣщенія. Но этотъ взглядъ ошибоченъ. Сохранившіеся списки старинныхъ рукописей говорятъ, что русскіе люди искали мудрости въ литературѣ. Въ первой половинѣ 16 вѣка кіевскіе ученые монахи искали въ Москвѣ сочиненій для пробудившагося на Западѣ издательства и убѣждались, что Москва въ сохраненіи книжныхъ сокровищъ была богаче Кіева. (К. В. Харламовичъ. Малороссійское вліяніе въ древней руси). Конечно, на первыхъ порахъ по принятіи христіанства, русскіе люди не могли создать оригинальной письменности, но они съ любовью переводили и переписывали произведенія греческихъ церковныхъ писателей. Любимыми авторами старинной Руси были Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій. Ихъ сочиненія переписывались въ отдѣльные сборники подъ витіеватыми названіями-Златоструй, Измарагдъ, Маргарить, Златая цѣпь, Андріатись, Златая матица и. т. п. Жизнь этихъ святыхъ отличалась высокимъ

драматизмомъ борьбы между внѣшней властью и нравственной силой, при чемъ побѣда оказывалась на сторонѣ послѣдней. Вѣроятно, эта черта и влекла къ себѣ любовь русскихъ читателей того времени. Не чуждалась домонгольская Русь и свѣтскихъ сочиненій въ видѣ хронографовъ, палей, хроникъ, лѣтописей, а также пользовалась вниманіемъ христіанская топографія Козьмы Индикоплова, служившая источникомъ географическихъ и астрономическихъ свѣдѣній. Но всѣ эти сочиненія цѣнились съ точки зрѣнія назидательности и душевнаго спасенія.

Эта точка зрѣнія отобразилась и во всей позднѣйшей русской литературѣ. Гр. Л. Толстой въ своей статьѣ «Что такое искусство» выражаетъ національно-русскій взглядъ на науку въ такихъ выраженіяхъ. «Людямъ надо жить. А для того чтобы жить, имъ надо знать, какъ жить. И всѣ люди всегда-плохо ли хорошо ли узнавали это и, сообразно съ этимъ знаніемъ, жили двигались впередъ, и это знаніе того, какъ должно жить людямъ, со временъ Моисея, Соломона, Конфуція всегда считалось наукой, самой наукой наукъ... Простой разумный рабочій человѣкъ по старому, да кромѣ того и по здравому смыслу, предполагаетъ, что если люди, которые всю жизнь учатся и за то, что онъ ихъ кормитъ и содержитъ, думаютъ за него, то, вѣроятно, эти люди заняты тѣмъ, что изучаютъ то, что нужно людямъ, и онъ ждетъ отъ науки, что она разрѣшитъ для него тѣ вопросы, отъ которыхъ зависитъ благо его и всѣхъ людей. Ожидаетъ онъ, что научить его, какъ надо жить, какъ обходиться съ семейными, какъ съ ближними, какъ съ иноплеменниками, какъ бороться со своими страстями, во что надо, во что не надо вѣрить и многое другое».

Наука для жизни, для устройства общества, а не для простаго украшенія и натаскиванія-таковъ взглядъ стариннаго русскаго человѣка, находящій откликъ и въ людяхъ совсѣмъ недавнаго прошлаго. Извѣстный публицистъ Н. К. Михайловскій любилъ называть себѣ профаномъ, отдѣляя себя отъ цеховыхъ ученыхъ, которымъ нѣтъ дѣла до жизни, и которые ищутъ только формальной правды..

«Въ древне-русскомъ воспитаніи», говоритъ проф. Ключевскій, «главное вниманіе педагогическое было обращено на житейскія правила, а не научныя знанія. Кодексъ свѣдѣній, чувствъ и навыковъ, какіе считались необходимыми для усвоенія этихъ правилъ, состав-

лялъ науку о христіанскомъ жительствоу, о томъ, какъ подобаеъ жить христіанамъ. Этотъ кодексъ состоялъ изъ трехъ наукъ или строеній: то были—строеніе душевное, ученіе о долгу душевномъ или о спасеніи души, строеніе мірское—наука о гражданскомъ общежитіи и строеніе домовное—наука о хозяйственномъ домоводствѣ... Хозяинъ дома былъ настоящимъ народнымъ учителемъ древней Руси, потому что тогда народная школа заключалась въ семьѣ». (Назв. соч. стр. 221). Нельзя не замѣтить, что это образованіе близко подходило къ древне-греческому идеалу гармоническаго развитія челоука, исключая лишь заботу о тѣлесномъ воспитаніи. Да едвали для стариннаго русскаго челоука эта забота и была нужна, такъ какъ въ ту пору всѣ члены семьи принимали участіе въ физическомъ трудѣ. Хозяинъ съ хозяйкой, хотя бы и въ богатой семьѣ, вставали раньше всѣхъ и назначали каждому работу. Поэтому домашняя русская школа была школой трудовой.

V.

Трудовое направленіе школы, о которомъ въ недавнее время заговорили педагоги Англии и Америки встрѣчено было у насъ какъ новое откровеніе, хотя трудовое начало было основой нашей старинной жизни и въ недавнее время было развито нашимъ педагогомъ С. А. Рачинскимъ. Онъ проводилъ систему трудовой школы не въ видѣ лабораторнаго метода, не въ формѣ склеиванія коробочекъ и геометрическихъ фигуръ въ садахъ Фребеля или въ домѣ ребенка Монтессори, а въ смыслѣ настоящаго труда, пригоднаго въ жизни и сообразнаго съ условіями быта родителей учениковъ и развитія самодѣятельности въ дѣтяхъ. Но на мысляхъ Рачинскаго не было нѣмецкаго клейма, и потому онѣ прошли незамѣченными. Наша оффиціальная педагогика, идущая на буксирѣ нѣмецкихъ авторитетовъ, предписываетъ больше и больше знаній, расширеніе программъ, усиленіе строгости требованій на экзаменахъ и переобремененіе памяти такими свѣдѣніями, которыя не имѣютъ никакого ни жизненнаго, ни развивающаго значенія. Многознаніе требуется отъ каждаго желающаго получить т. н. школьное образованіе, начиная съ приходскаго училища или съ приготовленія для поступленія въ первый классъ средняго учебнаго заведенія. Натаскиваніе или накаливаніе учениковъ, какъ говорятъ французы, начинается чуть не съ пеленокъ,

когда къ оперированію съ отвлеченными понятіями ребенокъ еще не готовъ. Но его заставляютъ дѣлать непосильный трудъ, вытягиваютъ его жилы и поселяютъ въ немъ съ самаго ранняго дѣтства полное отвращеніе къ наукѣ. Каждый современный подростокъ, къ сожалѣнію, яко бы знаетъ; несравненно больше, чѣмъ знали знаменитые мудрецы древности. И школа требуетъ этого многознайства своими конкурсными экзаменами. Каждому учителю легко заниматься съ такими учениками, которымъ можно сказать: «къ слѣдующему разу повторите о томъ или о другомъ». Ученикъ въ первое время занятій не слышитъ ничего для себя новаго, пріобрѣтаетъ привычку относиться къ занятіямъ безъ надлежащаго вниманія и усердія. Отъ этой губельной привычки онъ не можетъ отрѣшиться и въ послѣдующее время. А увѣренность въ своемъ всевѣдѣніи естественно порождаетъ гордость своей ученостью, своими способностями, хотя бы ученикъ въ послѣдствіи получалъ и неудовлетворительные баллы. Если ученикъ снисходитъ до прочтенія и выслушиванія урока, то подъ вліяніемъ лишь тѣхъ мотивовъ, которые проф. Лесгафтъ называетъ добавочными раздражителями, т. е. отмѣтокъ, наказаній, выговоровъ и угрозъ. На этихъ раздражителяхъ и держится весь строй современной нѣмецкой школы. Отъ нихъ прірожденное человѣку интеллектуальное и моральное чувство притупляются, и ученикъ получаетъ губельный навыкъ дѣйствовать только подъ давленіемъ внѣшней силы, какъ бѣжитъ лошадь въ рукахъ плохого кучера только подъ ударами кнута. Эта привычка переносится питомцами школы въ жизнь. Щедринъ въ своей сатирѣ «Господа Ташкентцы» очень красочно рисуетъ фигуры дѣятелей, подготовленныхъ такимъ воспитаніемъ. «Нашъ юноша» говоритъ онъ; «убѣждается въ необходимости знанія только въ ту минуту, когда приходится сдавать экзамены. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ накачиваетъ себя множествомъ разнообразнѣйшихъ знаній, но понимаетъ только одно: что знанія служатъ отвѣтомъ на печатные билеты, которые онъ долженъ взять на удачу со стола экзаменатора. Увы, этихъ билетиковъ такъ много, что онъ на нѣкоторые изъ нихъ даже не успѣлъ приготовить отвѣтовъ... Но судьба видимо покровительствуетъ ему: онъ вынимаетъ именно тотъ билетикъ, который тверже всего вызубрилъ. Ура! Онъ оставляетъ школу и получаетъ дипломъ. Ни мало не медля, онъ отправляется въ трактиръ и этимъ открываетъ свое вступленіе на

арену исторіи. Черезъ полчаса онъ уже мѣшаетъ Ликурга съ Солономъ, а Мильтіада дружески называетъ Мараономъ. Знаніе, которымъ онъ окатилъ себя, уже соскользнуло. Онъ помнитъ только одно: что онъ получилъ дипломъ и имѣетъ право, отпраздновавши какъ слѣдуетъ освобожденіе отъ наукъ, быть дѣятелемъ». (Т. 9, изд. 4, стр. 48). Любви къ знанію, уваженія къ наукѣ, разумѣется, въ подавляющемъ большинствѣ питомцевъ школы добавочныхъ раздражителей искать напрасно. А вслѣдствіе этого школа нисколько не содѣйствуетъ развитію нравственной воли и укрѣпленію характера. Въ старинное время на Руси наука была въ полномъ почтеніи, какъ высшая цѣнность, имѣющая значеніе не по своимъ привилегіямъ, а по самому существу. Въ вопросахъ Кирика епископу Нифонту содержится, между прочимъ, вопрошеніе: «что сдѣлать съ грамоткой, хотя и разорванной, если на ней сохранились слѣды написаннаго»? Этотъ вопросъ показываетъ, какое уваженіе питалъ старинный русскій человѣкъ къ произведеніямъ письменности. Книга всегда лежала на почетномъ мѣстѣ и украшалась нерѣдко драгоценными металлами и камнями.

Въ сказкѣ о перышкѣ Финиста-ясна сокола обладаніе наукой изображается какъ награда за подвигъ, за отреченіе отъ всякой суеты и тщеславія, за нераздѣльную любовь къ знанію. Финистъ сообщаетъ полюбившей его дѣвицѣ, что для выхода за него замужъ ей придется износить трое желѣзныхъ башмаковъ, источить въ дорогѣ три желѣзныхъ посоха и изглотить три каменныхъ просфоры. Здѣсь ясно выражается мысль о приобрѣтеніи истиннаго знанія путемъ погруженія въ него всей душой, а не скороспѣлой работой памяти. Въ Изборникѣ Святослава (1076 г.) учащемуся дается такой совѣтъ: «когда читаешь книги, то не спѣши переходить къ другой главѣ, а трижды повторяй прочитанное». Самое начало ученія почиталось въ жизни человѣка очень важнымъ событіемъ и обставлялось довольно торжественно. Ученикъ принималъ благословеніе отъ крестнаго отца, слушалъ установленный молебень предъ началомъ ученія отрокомъ и приступалъ къ изученію азбуки, подъ руководствомъ ли отца или особаго учителя, съ особеннымъ вниманіемъ. Въ обученіи преслѣдовалась не формальная мудрость, а истинное знаніе. «Не ищи, человѣче, мудрости», говорилось въ старинныхъ азбукахъ, «ищи кротости; аще обрящещи кротость, то одолѣши и мудрость; не тотъ мудръ кто много грамотѣ умѣетъ,

тотъ мудръ, кто много добра творитъ». Это требованіе вполне совпадаетъ съ современнымъ намъ воззрѣніемъ, что истинно просвѣщенный человѣкъ является всегда самымъ кроткимъ и смиреннымъ. Онъ ясно сознаетъ что область неизвѣстнаго для него несравненно обширнѣе извѣстнаго и вполне соглашается съ изреченіемъ Сократа: «я знаю только одно, что я ничего не знаю».

Исконная черта полного уваженія русскаго народа къ свѣту знанія, пріобрѣтенному путемъ личнаго усилія, вполне совпадаетъ съ воззрѣніемъ педагогики настоящаго времени, стремящейся къ развитію въ дѣтяхъ самостоятельности и считающей задачей воспитанія давать лишь возможность воспитанникамъ пріобрѣтать знанія и достигать надлежащаго умственнаго развитія. Непригодность и безцѣльность заучиванія чужихъ словъ характерно выражается русскимъ народомъ въ одной изъ многочисленныхъ сказокъ объ Иванушкѣ—дурачкѣ.

Мать сказала дураку: «шелъ бы ты, Ванюшка, потерся бы около людей да ума понабрался». Пошелъ Иванъ на гумно. Видитъ—мужики хлѣбъ молотятъ, и давай около нихъ тереться. Прогнали мужики дурака и поколотили. Мать дома учитъ сына: «А ты бы сказалъ: Богъ въ помочь вамъ, добрые люди, носить бы вамъ не переносить, возить бы не перевозить». Въ другой разъ пошелъ дуракъ по улицѣ. Тамъ несутъ покойника. Дуракъ и кричитъ: «Богъ въ помочь, добрые люди. Носить бы вамъ не переносить, возить бы вамъ не перевозить». Учила мать дурака и другимъ умнымъ рѣчамъ, но онъ всегда произносилъ ихъ невпопадъ. Заучить на память и не умѣть примѣнить заученнаго къ дѣлу несравненно хуже, нежели ничего не знать, такъ какъ человѣкъ, набитый чужими познаніями, свободенъ отъ умственной гордости и можетъ быть полезнымъ работникомъ. Поэтому школа, не расширяющая умственнаго кругозора, не развивающая трудоспособности въ учащихся, должна быть названа минусомъ просвѣщенія, вырожденіемъ науки.

Обобщая краткій обзоръ фактовъ изъ исторіи русской грамотности, мы можемъ вывести заключеніе, что Русь *относилась всегда къ наукамъ съ уваженіемъ, стремилась къ добровольному самопожертвованію ради общаго блага, предоставляла свободу социальному приспособленію личности, предпочитала запросы духа удобствамъ внѣшнимъ, жила болѣе чувствомъ, нежели*

интеллектомъ, и соединяла школьное воспитаніе съ семейнымъ. Въ этихъ стремленіяхъ, по нашему взгляду, отразился духъ русскаго народа; на основахъ этого духа и должно строиться національное русское воспитаніе.

Мы намѣренно умалчиваемъ о религіозномъ характерѣ стариннаго русскаго воспитанія, такъ какъ эта черта должна быть разсматриваема въ особомъ разсужденіи, а не можетъ быть указана лишь попутно.

Также мы не говоримъ объ отрицательныхъ качествахъ славянскаго племени: о его малой способности къ организаціи, объ отсутствіи выдержки въ работѣ и т. п. Эти свойства основаніемъ національнаго воспитанія служить не могутъ, и о нихъ говорить слѣдуетъ отдѣльно.

Указанныя положительныя черты характера народной души мы отнюдь не считаемъ присущими исключительно только русскимъ людямъ, такъ какъ русскій народъ не представляетъ собою какого либо особеннаго выродка изъ всего человѣчества, но лишь отмѣчаемъ, что указанные признаки въ русскомъ народѣ выступаютъ наиболѣе рельефно, слагались исторически въ теченіе продолжительнаго времени, съ нравственной точки зрѣнія соотвѣтствуютъ идеѣ добра и съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи оказываются наиболѣе полезными для націи. Поэтому принужденіе въ дѣлѣ воспитанія и образованія можетъ лишь вредить народности, а не вести ее къ свѣту и прогрессу. Подъ давленіемъ навязаннаго просвѣщенія нація хирѣетъ физически и гибнетъ нравственно. Вѣрные традиціямъ нѣмецкой школы русскіе педагоги находятся до сего времени подъ обаяніемъ нѣмецкаго направленія, хотя въ настоящую пору всѣ цивилизованныя страны начали думать о созданіи національнаго просвѣщенія, выкинувъ изъ традиціи то, что уже оказалось негоднымъ. Мы живемъ еще мнѣніями нѣмецкой педагогики той поры, когда, по словамъ германскаго проф. Людвигъ Гурлитта, «нѣмецкіе педагоги находились въ такомъ идилическомъ состояніи самодовольства, дальше котораго идти некуда. Они держались того мнѣнія, что для осуществленія великой задачи воспитанія молодежи вполне ясно установлены и цѣли, и пути, что мы въ школьномъ дѣлѣ достигли той ступени совершенства, на которой главной обязанностью является консервированіе уже существующаго». (Проблемы единой школы, пер. Левитиной, предисл.). А жизнь мчится

съ неимовѣрной быстротой, и остановить ея бѣгъ никто не въ силахъ. Поэтому приходится наблюдать знаменія времени и, по возможности, направлять теченіе, а не тратить бесполезно силы къ его остановкѣ.

VI.

Русскій человѣкъ всегда прежде всего относился къ наукѣ съ полнымъ уваженіемъ, какъ откровенію Божію въ человѣческой душѣ. Въ настоящую пору мы видимъ въ нѣмецкой системѣ явленіе обратное. Дѣти смотрятъ на ученье, какъ на тяжелую повинность, которую приходится отбывать въ извѣстное время исключительно ради полученія диплома. Да и сама система трактуетъ науку какъ средство, а не какъ высокую цѣль. Вѣдь если бы наука считалась цѣнностью сама по себѣ, то какую цѣль преслѣдовала бы выдача различныхъ дипломовъ и аттестатовъ, съ различными правами и привиллегіями? Ясно, что знаніе само по себѣ считается цѣнностью недостаточной, ради полученія которой можно было бы тратить время и трудъ. Ученики нѣмецкой школы зазубриваютъ уроки исключительно ради полученія балловъ и всегда готовы изъ-за хорошей отмѣтки на всякія уловки—на списываніе, на подсказываніе, на выходъ къ экзаменатору со шпаргалками, на запись хронологіи или формулъ на манжетахъ и т. д. Наставники изощраются въ ловлѣ своихъ питомцевъ, и наиболѣе способные изъ нихъ приобрѣтаютъ сноровку настоящихъ сыщиковъ. Товарищи по ученю завидуютъ отмѣткамъ своихъ соучениковъ, стараются всѣми неправдами достигъ высокихъ балловъ и вообще нравственно портятся въ погонѣ за четверкой, пятеркой, а иногда и за тройкой съ двумя минусами.

Полное неуваженіе къ наукѣ въ дѣтяхъ остается и по окончаніи школы, а потому и сами интеллигентные родители заботятся исключительно о добычѣ своимъ дѣтямъ болѣе выгоднаго диплома. Въ этой заботѣ они не считаютъ предосудительнымъ дать записку о мнимой болѣзни ученика, достать медицинское свидѣтельство, воспользоваться своими связями въ учебномъ мірѣ и вообще дѣйствовать независимо отъ всякихъ соображеній, кромѣ добычи аттестата. Дѣти людей, высоко стоящихъ въ іерархической лѣстницѣ, весьма часто позволяютъ себѣ всѣ недозволенные школой вольности, но они благополучно попадаютъ на арену исторіи и становятся ея дѣятелями. Статистика всѣхъ странъ отмѣтила довольно

давно, что съ развитіемъ т. н. просвѣщенія увеличивается преступность населенія. Это явленіе отмѣчено и для Россіи первымъ обще-земскимъ съѣздомъ по народному образованію. Отсюда нельзя заключать, что само просвѣщеніе есть зло, а необходимо сознать, что оно поставлено неправильно настолько, что всякая школа какъ будто занимается подготовкой кандидатовъ въ тюрьму. Ужасно такое явленіе, но оно существуетъ и нуждается въ исправленіи.

При поступленіи на службу никто не интересуется вопросомъ, что умѣеть дѣлать кандидатъ или какъ онъ можетъ мыслить, а спрашивается лишь наличность диплома. Мы видимъ теперь, что ветеринары служатъ въ различныхъ палатахъ, кандидаты богословія въ акцизѣ или въ школьной инспекціи, а одно желѣзно-дорож. управленіе превзошло въ этомъ отношеніи всѣхъ, назначивъ старшимъ врачомъ дороги—техника путей сообщенія. Вѣдь еслибы при поступленіи на службу спрашивали кандидата о томъ, что онъ можетъ дѣлать, то сопоставленія получились бы весьма странныя. Ветеринаръ умѣеть вскрыватьдохлыхъ животныхъ, дѣлать предохранительныя прививки сибирской язвы и т. п. Но развѣ эти знанія нужны хотя бы въ контрольной палатѣ? Кандидатъ богословія знаетъ тонкости споровъ о различныхъ догматическихъ вопросахъ въ четвертомъ или пятомъ вѣкѣ, умѣеть сказать проповѣдь на любую тему. Но зачѣмъ ему эти познанія въ акцизномъ вѣдомствѣ и даже въ школьной инспекціи?

Для всякаго отсюда становится яснымъ, что жизнь и школа ничего общаго между собою не имѣютъ, и что въ жизни есть другая наука, которая называется разными именами, то именемъ Молчалина, то Подхалюзина, Глумова и т. д.

До недавняго прошлаго существовало убѣжденіе, будто любой учебный матеріалъ даетъ всестороннее развитіе человѣку. Но психологическій опытъ и наблюденія показали, что изученіе каждой отрасли знанія развиваетъ только опредѣленную способность. Такъ напр., заучиваніе иностранныхъ словъ совершенно не развиваетъ соображенія въ математикѣ, заучиваніе стихотвореній не совершенствуетъ логическаго мышленія, а слѣдовательно и умѣнье вскрыватьдохлыхъ собакъ или канцелярская опытность не развиваютъ способности къ управленію живыми людьми, ни въ судебномъ ни въ административномъ отношеніи, а тѣмъ болѣе въ педагогическомъ, какъ эти познанія не дѣлаютъ человѣка ни поэтомъ, ни скульпторомъ, ни композиторомъ.

Нѣмецкая школа исторически выработала разныя т. н. ученныя степени—лауреатовъ, бакалавровъ, магистровъ и профессоровъ даже такихъ «наукъ», какъ черная и бѣлая магія. Но и она не придаетъ этимъ званіямъ того значенія, какое усвоивается имъ въ подражающей нѣмцамъ Россіи. Если наука сама по себѣ свѣтъ и цѣнность, то добавлять къ ней баллы и аттестаціи совершенно излишне. Для учениковъ можетъ быть только два балла-способенъ идти въ уровень съ даннымъ составомъ или не способенъ. По этой системѣ болѣе способные должны проходить одну школу, менѣе одаренные—другую и т. д. Жизнь, а не учебная корпорація, впоследствии можетъ показать, насколько развился и насколько сдѣлался трудоспособнымъ тотъ или другой человѣкъ. Не успѣвшій за товарищами въ школѣ можетъ въ значительной степени опередить ихъ въ жизни, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Мы притворно превозносимъ науку, а сами думаемъ: сколько дадутъ моему ребенку, если онъ добросовѣстно заучитъ на необходимое время и отвѣтитъ безъ запинки, что много есть именъ на *is masculini generis*, или что уголъ паденія равенъ углу отраженія, что сіе важно въ пятыхъ, что о родинѣ Гомера спорили семь городовъ и т. д. Перефразируя слова гоголевскаго городничаго можно сказать: «конечно, Александръ Македонскій былъ герой и знать о немъ весьма похвально, но зачѣмъ же еще за это знаніе, усвоенное только на двѣ недѣли, давать привилегію на всю жизнь»? Если мы считаемъ науку святыней, то обращать ее въ дойную корову предосудительно.

Древній міръ имѣлъ и просвѣщеніе, и различныя должности, но онъ замѣщаль ихъ людьми, а не бумажками. Фидій и Пракситель не имѣли права даже на первый классный чинъ, а до сихъ поръ не превзойдены въ искусствѣ. Платонъ и Сократъ въ наше время не могли бы получить мѣста даже учителя начальной школы, а имена ихъ сохраняются въ потомствѣ до сихъ поръ. Въ древнее время каждый человѣкъ начиналъ дѣло съ труда и получалъ назначеніе по своимъ способностямъ. Въ очень недавнее время мы восторгались однимъ очень большимъ чиновникомъ путейскаго вѣдомства, начавшимъ свою службу въ должности кочегара на американской желѣзной дорогѣ, но дальше это восторга не пошли.

Причиной пренебрежительнаго отношенія къ наукѣ въ дѣтяхъ и родителяхъ служитъ та страшная многопредметность, какая господствуетъ въ нѣмецкой школѣ. По отзыву одного авторитетнаго французскаго писателя, программа нѣмецкихъ гимназій настолько велика, что ни одинъ англійскій профессоръ не могъ бы выдержать по ней установленнаго экзамена. И эта многопредметность, перенесенная и въ начальную школу, не даетъ положительныхъ результатовъ даже въ смыслѣ простого обогащенія памяти отрывочными фактами. Въ Баваріи курсъ начальной общеобязательной школы равенъ семи годамъ, по истеченіи которыхъ ученикъ поступаетъ на три года въ воскресную школу, и только послѣ десяти лѣтъ ученья онъ освобождается отъ учебной повинности. По окончаніи семилѣтней, а потомъ трехлѣтней школы существуетъ экзаменъ. И вотъ что пишетъ мюнхенскій директоръ народн. училищъ, извѣстный педагогъ Г. Кершенштейнеръ, о послѣднемъ экзаменѣ. «Впечатлѣніе получается убійственное. Прекрасно покрытая къ 13 годамъ эмалью научныхъ свѣдѣній дѣтскія головы при провѣрочномъ испытаніи на 16 году оказываются блестящими пустыми мѣдными котлами». (Осн. вопр. школьн. организаціи). Конечно, не въ лучшемъ состояніи оказались бы познанія и русскихъ питомцевъ школы нѣмецкаго типа, если бы кто нибудь вздумалъ провѣрить школьныя свѣдѣнія въ умахъ какихъ нибудь чиновниковъ лѣтъ черезъ десять по окончаніи ими курса. Сравнительно недавно министръ юстиціи Муравьевъ печатно заявилъ, что среди чиновъ судебнаго вѣдомства встрѣчается «поразительная неподготовленность, выражающаяся въ недостаточномъ знакомствѣ съ отечественною рѣчью въ обширномъ значеніи этого слова—письменною, логическою и грамматическою. Въ то же самое время высшіе судебные представители съ своей стороны заявили, что кандидаты на судебныя должности съ дипломами высшаго юридическаго образованія крайне неразвиты и не въ состояніи ни устно, ни письменно передать въ ясной логической формѣ свои мнѣнія, и что у многихъ изъ нихъ неумѣнье писать по-русски доходитъ часто до степени прискорбной малограмотности». (Дѣло отст. проф. Хорватъ. Москва. 1904, стр. 1). Если высшая школа не даетъ самаго элементарнаго признака образованности—знанія роднаго языка, то что же можно сказать о низшей и средней школѣ?

Многопредметность школьнаго курса не даетъ ничего ученикамъ даже въ смыслѣ обогащенія памяти, а въ нравственномъ отношеніи она ведетъ къ пагубѣ. Всякая нація нуждается въ добросовѣстныхъ работникахъ, въ любящихъ свою родину труженникахъ. Но воспитанный въ нѣмецкомъ духѣ русскій человѣкъ смотритъ на родину только съ корыстной точки зрѣнія. Онъ жаждетъ не отдать ей свои силы, знанія и способности, а только урвать отъ нея что нибудь за свое притворство и лытаніе отъ дѣла. Если и сохраняются среди русскихъ людей добросовѣстные труженники, то этимъ они обязаны отнюдь не школѣ нѣмецкой системы. Подчиненіе нравственному долгу и красота служенія ближнимъ всегда были идеаломъ чистой русской души, и русскіе люди до настоящаго времени готовы пожертвовать своими удобствами ради служенія общественнымъ интересамъ. Но такое чувство возможно лишь при наличности нравственной свободы въ формированіи человѣкомъ своихъ убѣжденій. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и нравственности.

Нѣмецкая школа заботится исключительно о внѣшней выправкѣ своихъ питомцевъ, о соблюденіи формы и о введеніи однообразнаго строя. Она прививаетъ внѣшніе навыки и нисколько не заботится о духовной сторонѣ человѣка, о его самобытности. Нивелировка, сглаживаніе всѣхъ отличительныхъ особенностей человѣка, дѣлаетъ изъ питомцевъ школы автоматическихъ исполнителей чужой воли до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ въ этихъ питомцахъ заводная пружина. Подъ указкой механика вымуштрованные люди совершаютъ повидимому цѣлесообразныя движенія. Но лишь пружина ослабѣла, заводъ кончился, надзоръ прекратился, человѣкъ начинаетъ вертѣться, шипѣть, хрипѣть безъ всякаго порядка, безъ всякой разумности. Онъ вноситъ рѣзкій разладъ во все окружающее и дѣйствуетъ не какъ разумное Божье созданье, а какъ испорченная игрушка. Для такого человѣка, потерявшаго опору, нѣтъ ничего священнаго. Онъ управляется не свободной волей, а капризомъ. Поэтому чѣмъ большими средствами обнаруженія своихъ дикихъ недисциплинированныхъ наклонностей онъ обладаетъ, тѣмъ большей разнузданностью отличаются его поступки. Надъ нимъ нѣтъ того судьи, который называется совѣстью, сознаниемъ отвѣтственности, онъ боится только внѣшней преграды. Лишенный индивидуальной способности служенія обществу онъ

обращается въ индивидуалиста, въ раба своихъ мелкихъ страстишекъ. Онъ только кричитъ о служеніи родинѣ, но на дѣлѣ готовъ продать ее первому встрѣчному.

Вѣдь Сквозникъ-Дмухановскій считалъ себя истиннымъ патриотомъ и гордо заявлялъ: «что изъ того, что я беру взятки, зато я въ вѣрѣ твердъ». Фамусовъ ставилъ идеаломъ своего дядю Максима Петровича, который отличался особеннымъ умѣньемъ подслуживаться и сгибаться въ перегибъ, когда нужно, отличаясь предъ обыкновенными смертными «серьезностью вида и надменно-стью нрава». Потомки этихъ слугъ отечества выродились въ щедринскихъ «господъ ташкентцевъ», которые готовы броситься на кого угодно и, по выраженію Щедрина, ставятъ единственнымъ девизомъ своей дѣятельности немолчный крикъ—«жрать».

«Господа ташкентцы» достигли того, что самое слово патриотизмъ сдѣлалось въ обществѣ непопулярнымъ, хотя мы болѣе всего нуждаемся въ развитіи истиннаго патриотизма. Высшій идеалъ общественнаго устройства міра заключается въ сознаніи единства всего человѣчества, но этотъ идеалъ весьма далекъ и безъ развитія любви къ своему собственному народу недостижимъ. Человѣчество—понятіе отвлеченное, а постиженіе отвлеченнаго невозможно безъ конкретнаго представленія. На любви къ собственному народу мы учимся любви ко всему человѣчеству. Трудно обучать высшей математикѣ того, кто не знаетъ первыхъ четырехъ правилъ ариметики. Поэтому школа, ставящая своей задачей образованіе, просвѣщеніе и воспитаніе человѣка, тѣмъ самымъ беретъ на себя заботу о развитіи въ своихъ питомцахъ и патриотическаго чувства. Это чувство растетъ не подъ вліяніемъ исключительнаго изученія нѣкоторыхъ предметовъ, якобы содѣйствующихъ развитію патриотизма, какъ утверждалъ нѣкогда въ своей рѣчи императоръ Вильгельмъ II, а примѣромъ трудолюбія и служенія родинѣ со стороны взрослого поколѣнія. Словесное обученіе внесло въ нашу жизнь и словесный патриотизмъ, но пользы отъ него никому нѣтъ.

Школа развиваетъ патриотическое чувство лишь на словахъ, однако при объявленіи современной войны одушевленіе охватило не только взрослыхъ, а и дѣтей. И они стараются чѣмъ нибудь помочь сражающимся или раненымъ воинамъ. Но необходимо, чтобы любовь къ родинѣ оставалась въ русскихъ людяхъ всегда, не

только въ періодъ подъема, а и въ обычное время. Ради этой цѣли необходимо воспитаніе въ юношествѣ чувства свободной связи съ роднымъ національнымъ обществомъ, подѣ которымъ разумѣются всѣ подданные русскаго государства, чтобы русскіе люди цѣнили тѣхъ великихъ своихъ предковъ, которые радѣли о благѣ родины великими подвигами, вдохновеннымъ словомъ, изящными образами и чудными звуками. Россія представляетъ собою не случайный конгломератъ различныхъ народностей, а одно стройное цѣлое, состоящее, какъ и всякій организмъ, изъ различныхъ живыхъ частей.

Служеніе же родинѣ заключается не въ словахъ, а въ дѣлахъ. И каждому дѣятелю необходимо показать дѣломъ свою способность служить родинѣ и свое умѣнье. У польскаго поэта Людвигъ Кондратовича есть стихотвореніе «Горсть пшена». Въ немъ поэтъ образно рисуется смыслъ настоящаго, а не словеснаго патріотизма. И потому мы вмѣсто разсужденія о любви къ отечеству позволимъ себѣ сдѣлать изъ него нѣсколько выдержекъ.

Войтъ Щепанъ постарѣлъ и отказывается отъ должности. Міръ желаетъ выбрать котораго нибудь изъ троихъ сыновей Щепана. Старикъ, послѣ раздумья, соглашается на этотъ выборъ. Но между крестьянами идетъ споръ: одни желаютъ Григорья, другіе—Василья, третьи—Шимона. Старикъ предлагаетъ испытать,

Прежде чѣмъ служить приспѣеть
Войту новому пора,
Пусть покажетъ, коль сумѣеть,—
Что намъ сдѣлаетъ добра.

Панъ посылаетъ Григорья въ Королевецъ, Василья—въ Краковъ, Шимона же старикъ предлагаетъ послать въ Украину за солью. Міръ соглашается на это испытаніе будущаго войта.

Сыновья Щепана ѣдутъ согласно съ порученіями.

Подходитъ новый годъ и изъ Королевца возвращается старшій сынъ. Міръ собирается къ Щепану. Григорій рассказываетъ

Про три чуда про три дива.
«Какъ у нѣмцевъ быть хорошъ,
Какъ палаты ихъ прибраны,
А что шапки и кафтаны—
Лучше въ свѣтѣ не найдешь».

Свое родное Григорій находить плохимъ и восторгается иноземнымъ.

Пріѣзжаетъ изъ-подъ Кракова Василій и восторженно говорить:

«Вотъ ужъ въ Краковѣ гуляка,
Вотъ ужъ пѣсенникъ народъ.
Ну и пѣсни! Краковяка
Всякій хлопецъ пропоеть».

И этотъ парень свое родное порицаетъ.

Возвращается изъ Украйны Шимонъ. Хвалить онъ Украйну, но говорить, что она мила украинцамъ, а для него милѣе свои лѣса.

. . . . «На Украйнѣ
Сыпь мнѣ золото горой,
Тосковать я буду втайнѣ
По деревнѣ по родной».

Признавъ однако, что тамъ хорошо очень пшено, Шимонъ привозитъ его цѣлый мѣшокъ и раздаетъ односельчанамъ для посѣва.

«Всталъ старикъ, прослушавъ сына,
Говоритъ: «Глушцовъ учить,
Что покойниковъ лѣчить.
Тотъ, кто хочетъ славянина
По-нѣмецки нарядить;
Кто людей считаетъ тряпкой;
Кто не съ сердцемъ ихъ знакомъ,
А съ поярковою шапкой
Да съ соломеннымъ шлыкомъ,
Тотъ и вѣкъ свой промытаритъ
Чужеземцемъ напролетъ,
Чужеземцемъ и умереть.
Тотъ еще глупѣй родился,
Кто мечтаетъ, что счастливъ,
Если только обучился
Чуждой пѣснѣ съ чуждыхъ нивъ,
Кто безъ слезъ и безъ усилій
Молвить родинѣ прости...
Но кто родиною грезить,
Для кого свята она,

Кто изъ чужи въ даръ привозить
Землякамъ хотъ горсть пшена....

.
Тотъ и войтомъ быть достоинъ».

Старинная Русь воспитывала въ своихъ дѣтяхъ дѣятельное національное чувство, ту же обязанность принимаетъ на себя и современная школа.

Воспитаніе патриотизма можетъ быть достигнуто только при соблюденіи уваженія къ личности ученика и избавленія его отъ того обиднаго для человѣческаго достоинства отношенія, при проведеніи котораго питомецъ школы находится подъ постояннымъ надзоромъ, словно отъявленный преступникъ. Конечно, юность можетъ увлекаться и совершать проступки по недостатку житейской опытности, а потому для нея необходимы сдерживающіе совѣты. Но они могутъ быть даваемы въ разное время различными способами, а не въ видѣ однообразныхъ мѣръ карательнаго возмездія. Дѣти младшаго возраста нуждаются въ управленіи, а болѣе взрослые—лишь въ нравственномъ руководствѣ. Однѣ внѣшнія мѣры строгости въ формированіи воли и характера безсильны. Воспитать же одна школа, безъ участія родителей, не можетъ, такъ какъ она не въ силахъ внести той атмосферы любви, безъ которой воспитательное вліяніе невозможно. Национальное русское воспитаніе въ старое время было чисто семейнымъ. Теперь отношенія усложнились, и труда найдется достаточно какъ для школы, такъ и для семьи. Безъ взаимной поддержки этихъ двухъ учрежденій получается досадная рознь, вредящая дѣлу сформированія подростящихъ поколѣній. Нѣмецкая школа бросаетъ вызовъ семьѣ своимъ отнятіемъ всякихъ воспитательныхъ правъ у родителей и тѣмъ самымъ ставитъ себя во враждебное отношеніе къ семьѣ. А гдѣ война, тамъ вмѣсто нравственнаго закона выступаетъ впередъ законъ борьбы за существованіе, противный воспитательнымъ задачамъ.

VII.

Въ отрѣшеніи отъ семьи школа подавляетъ въ самомъ зародышѣ чувство солидарности воспитанника со всѣми окружающими да и вообще всякое доброе чувство. На школу раздаются жалобы, что она односторонне развиваетъ умъ и не даетъ развитія эстетическимъ и нравственнымъ эмоціямъ. А между тѣмъ русскій народъ

долженъ быть отнесенъ къ эмоціалнымъ по преимуществу. Поэтому школа идетъ вразрѣзъ съ характеромъ народа, подчиняя его практикѣ интеллектуалистической германской расы. Пѣніе, музыка, рисованіе до послѣдняго времени у насъ разсматриваются какъ предметы лишь терпимые, да и то не во всякой школѣ. Оттого и наше религіозное воспитаніе превращается въ схоластическое заучиваніе текстовъ, объясненій и перечисленій. О воспитаніи чувствъ вообще нѣмецкая школа и не заботится.

Въ своей пресловутой рѣчи императоръ Вильгельмъ сказалъ: «Господа, мнѣ нужны солдаты, мнѣ нужно поколѣніе сильное и способное, а поэтому слѣдовало бы придать нашимъ школамъ организацію кадетскихъ корпусовъ». Въ такомъ пожеланіи сказанъ весь духъ нѣмецкой школы всепоглощающаго милитаризма. Бросьте всѣ педагогическія цѣли и воспитывайте только солдатъ. Дальше такой программы и идеала педагогіи идти некуда.

Русскій народъ называетъ ученье свѣтомъ. Поэтому школа, какъ солнечный свѣтъ, должна быть доступна для всѣхъ. Школа можетъ быть только единой по своей системѣ. Пусть всякій способный человѣкъ получаетъ сообразно со своими способностями, такъ какъ свѣтъ не можетъ замыкаться въ какой бы то ни было кастѣ. Современная система привилегій грозитъ въ самомъ непродолжительномъ времени при единствѣ школы перепроизводствомъ интеллигенціи. Но его отнюдь не будетъ, если всѣ привилегіи школьной аттестаціи будутъ уничтожены. У насъ установился предразсудокъ, будто человѣкъ, сдавшій экзамены по установленному количеству предметовъ, долженъ былъ непременно писаремъ, конторщикомъ или канцелярскимъ чиновникомъ. Въ одной сатирѣ Щедрина содержится такой эпизодъ. Окончившій духовную семинарію юноша пріѣзжаетъ въ деревню и начинаетъ заниматься земледѣліемъ. Поведеніе юноши смутило мѣстныя власти. Онѣ начали увѣщевать его бросить землешество и поступить во священники. Юноша высказываетъ недоумѣніе и спрашиваетъ: «а развѣ пахать землю запрещено?». Долго усиливался представитель власти убѣждать несогласнаго молодого человѣка, а тотъ стоялъ на своемъ вопросѣ: «развѣ пахать землю запрещено»? Наконецъ увѣщатель нашелъ подходящее слово и пояснилъ, что хотя пахать землю и не запрещено, но студенту семинаріи — «несвойственно».

Если мы отбросимъ предразсудокъ несвойственности занятій свободнымъ трудомъ для кончившаго школу, то перепроизводства интеллигенціи намъ бояться не придется.

Весь міръ призналъ, что старая нѣмецкая система дрессировки дѣтей миновала, что въ школьномъ дѣлѣ должна быть произведена реформа, и эта реформа производится въ разныхъ странахъ. Россія пережила возрастъ простого подражанія и можетъ создать свою національную школу, построенную сообразно характеру своего народа. Можетъ быть эта реформа и не близка, но забывать о ней нельзя. Въ настоящее время мечты о новой школѣ считаются простыми бреднями. Но нельзя забывать, что и мечты объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права въ свое время считались несбыточными и крамольными. Нашъ извѣстный критикъ Бѣлинскій, будучи на студенческой скамьѣ, въ 1830 году написалъ трагедію «Димитрій Калининъ», въ которой касался крѣпостного права. Цензура, состоявшая изъ профессоровъ Московскаго университета, признала трагедію «безнравственною и безчестящимъ университетъ сочиненіемъ». Однако черезъ тридцать лѣтъ было признано самое крѣпостное право безнравственнымъ и позорящимъ Россію явленіемъ. Такъ мечты превращаются въ дѣйствительность и мѣняютъ мнѣнія людей, воспитанныхъ въ прусской субординаціи! Всегда были и есть слуги чужихъ мнѣній, которые съ одинаковымъ усердіемъ служатъ любому господину, любя лишь себя.

Русскій народъ можетъ обойтись безъ чужой опеки. Для него настала пора созданія школы по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, а не по указкѣ прусскихъ педагоговъ. Русскимъ дѣтямъ нужна и русская школа, на знамени которой должны ясно означаться слова— уваженіе къ богоподобной душѣ ребенка, развитіе нравственнаго чувства, безкорыстное служеніе наукѣ, плодотворный трудъ, любовь къ родинѣ и свободное стремленіе къ совершенству.

Для проведенія этихъ началъ нуженъ разумный трудъ и инициатива. Но неужели въ Россіи нѣтъ способныхъ людей? Въ одномъ мѣстѣ Кнутъ Гамсунъ говоритъ: «Неудивительно, что у такого народа можетъ возникнуть такая литература, какъ русская, литература безграничная въ своемъ величіи и поразительная». Великій русскій народъ можетъ создать и школу, которая будетъ признана всѣми народами безграничной въ своемъ величіи и поразительной. Для этого необходимо освобожденіе русской школы отъ нѣмецкаго ига и постоянное стремленіе къ роднымъ національнымъ идеаламъ.

Въ воздухѣ уже чувствуются новыя вѣянiя во всѣхъ областяхъ жизни, а въ томъ числѣ разрѣшается и густая тьма застоя въ школьномъ дѣлѣ. Старые педагоги, какъ отмѣтилъ еще нашъ родной дѣятель просвѣщенiя К. Д. Ушинскiй, отличаются наибольшимъ консерватизмомъ, переходящимъ въ какое то упорное суевѣрiе. Поэтому въ учебно-воспитательное дѣло лучи солнца и вѣянiя свѣжей весны проникаютъ съ наибольшимъ трудомъ. Но потока времени и его требованiй никто остановить не можетъ. Поэтому надежда на свѣтлое будущее родной русской школы представляется не праздною мечтою, не расплывчатою грезой, а дѣйствительностью весьма и весьма недалекаго будущаго.

23. Очеркъ дѣятельности Казанскаго уѣздн. Отдѣленія Епархіального Училищнаго Совѣта, съ 1888 по 1909 годъ, цѣна 20 к.
24. Труды и плоды законоучительства. Рѣчь при открытіи законоучительскихъ курсовъ 1911 г., въ г. Перми, цѣна 10 к.
25. Казанскій Епархіальный наблюдатель, Протоіерей П. И. Захарьевскій. Біографическій очеркъ. 1911 г., цѣна 15 к.
26. Современность и христіанство. Публичное чтеніе. Пермь. 1911 г. Цѣна 10 к.
27. Повторительный конспектъ исторіи православной христіанской церкви. 1913 г., цѣна 30 к.
28. Религіозно-нравственное воспитаніе въ школѣ. Изъ бесѣдъ съ учащими на земскихъ педагогическихъ курсахъ 1912 года, въ г.г. Симбирскѣ и Оханскѣ. 1913 г., цѣна 50 к.
29. Три типа начальной школы. Рѣчь при открытіи педагогическихъ курсовъ 1913 г. въ г. Иркутскѣ. Казань 1915 г. Изданіе второе. Цѣна 15 коп.
30. Законъ Божій и экспериментальная педагогика. Казань. 1914 г. Цѣна 25 коп.
31. Указатель книгъ для чтенія на урокахъ Закона Божія. Курсъ начальной школы. Казань. 1914 года. Цѣна 35 коп.
32. Краткая Церковная Исторія. Курсъ двухклассныхъ училищъ, съ картинами и картой. 1914 года. Цѣна 40 коп.
33. Почки и листья. Стихотворенія. Казань 1914 г. цѣна 25 к.
34. Хорошій урокъ Закона Божія. Бесѣды о постановкѣ преподаванія Закона Божія на основахъ психологіи дѣтскаго возраста. Казань. 1914 г. Цѣна 75 коп.
35. Библиографическій обзоръ учебниковъ по закону Божію. Курсъ начальныхъ училищъ. Казань. 1915. Цѣна 60 к.
36. Основы національнаго русскаго воспитанія. Казань. 1915 г. Цѣна 25 коп.
37. Нѣмецкое вліяніе въ русской школѣ. 1915 г. Цѣна 30 коп.
38. Проф. прот. А. И. Дружининъ и священ. Е. Θ. Сосунцовъ. Методика Закона Божія. Курсъ VIII класса женскихъ гимназій. (Печатается).